

**ЕВРЕИ
И
ХРИСТИАНСТВО:**

*НЕСОВМЕСТИМОСТЬ
ДВУХ ПОДХОДОВ К МИРУ*

Составитель
Пинхас Полонский

«МАХАНАИМ»

культурно-религиозный центр
для евреев из России

Иерусалим
5755 (1995)

JEW S
AND
CHRISTIANITY

*TWO INCOMPATIBLE
APPROACHES TO THE WORLD*

Edited by
Pinchas Polonsky

MACHANAIM
Torah and Jewish Heritage Center
for Russian Speaking Jews

Jerusalem
5755(1995)

© Copyright by MACHANAİM 1995

No part of this book may be reproduced in any form without written permission from MACHANAİM

I.S.B.N. 965-381-014-6

MACHANAİM – Jewish Heritage
Center for Russian Speaking Jews

Luntz 2, Jerusalem
tel.: (02)256-006, (02)354-670
fax: (02)257-117

МАХАНАИМ – Культурно-религиозный
центр для евреев из России

ул. Лунц 2, Иерусалим
тел. (02)256-006, (02)354-670
факс (02)257-117

Главный редактор: П. Полонский
Редакционный совет: М. Китросская, Л. Китросский,
З. Дашевский, И. Дашевская, Б. Бен-Йосеф
Набор: Л. Кеммель
Редакторы: Е. Константиновская, И. Левина.
Корректурa: А. Шамис
Верстка: Б. Перель

В работе использованы следующие книги и статьи:

Проф. Д.Бергер. Евреи и иудеохристианство;
Б.Хаскелевич. Переводы Библии, Диспут Нахманида;
Д.Прагер, Й.Телушкин. Восемь вопросов об иудаизме;
А.Барац. Проблема свободы воли у ангелов.

*Мы выражаем благодарность их авторам,
а также д-ру Э. Плоткину – за помощь в редактировании книги.*

*Мы выражаем также особую благодарность учебному центру
"Бейт Морыша" за поддержку, оказанную нам при подготовке
книги к изданию.*

CONTENTS

Foreword	7
Introduction	
1. <i>Christianity and Judaism: inheritance as a source of conflict</i> . .	9
2. <i>The status of the problem in modern times</i>	10
3. <i>Modern Christian missionaries</i>	12
Part 1. WHY JEWS HAVE NOT ACCEPTED CHRISTIANITY	
Chapter 1. Why Jews do not consider Jesus the Messiah	
1. <i>The problem of realizing Messianic prophecies</i>	14
2. <i>Christian re-interpretation of the notion of the Messiah</i>	17
3. <i>Historical parallels: Christianity and Sabbatianism</i>	18
Chapter 2. Are the "proofs" real?	
Does the Jewish Bible foretell the coming of Jesus?	
1. <i>Continuity or rift?</i>	21
2. <i>The foretelling of the Immaculate Conception.</i>	24
3. <i>Appendix. Canonization of distortions in Christian translation of the Jewish Bible.</i>	27
Chapter 3. Christianity and the problem of idolatry	
1. <i>Jewish denial of the God-man notion</i>	29
2. <i>Criteria of monotheism for Jews and for non-Jews.</i>	32
Part 2. THE ETHICS OF JUDAISM AND THE ETHICS OF CHRISTIANITY	
Chapter 4. Distortions of Jewish Ethics in Christian Culture	
1. <i>The illusion of Jewish-Christian polemics.</i>	34
2. <i>Falsification of Jewish ethics.</i>	37
Chapter 5. Beliefs or actions?	
1. <i>The difference in priorities</i>	40
2. <i>The abandonment of Jewish ethics in Apostle Paul's doctrine.</i> . .	41
3. <i>Appendix. Christian thesis of the priority of belief and Tanach sources</i>	46
Chapter 6. Subtle differences between Jewish and Christian ethics.	
1. <i>Jewish "love for one's neighbour" and Christian "love for one's enemies" — what the real difference is</i>	47

2. The "non-resistance to evil" principle.	51
3. The Commandments – "obligation" or "ideal".	54
4. Man as "God's slave", as "God's son" and as "God's spouse". . .	54

Part 3. CHRISTIAN THEOLOGY AND JUDAISM

Chapter 7. The secular and the spiritual.	57
Chapter 8. The problem of Original Sin	
1. Original Sin and the Messiah	58
2. Adam's sin and human sexuality.	61
3. Appendix. Adam and Eve's marital life in traditional Jewish commentaries	62
Chapter 9. Do angels possess freedom of choice? Is Man a subject of history or is he driven by warring supernatural forces?	64
Appendix. Nachmanides' Dispute (fragments)	70
Conclusion. Mutual relationship between Jews and Christians.	81

We now live in an age of questions and not of answers. Today, the mark of intellectualism and spirituality is quest, not solution; doubt, not confidence. The problem of intellectual query is based on the human being's incapability of investigating, honestly and conscientiously, all the realms of thought. Moreover, he is sometimes obliged to learn certain aspects second-hand. This is what often happens to Jews who initiate their search from the religion which they sometimes think is closest to them: surprisingly, this religion is often Christianity and not Judaism. Cut off from their own heritage, they learn about it from Christian missionaries and from Christian texts. Before they know what Judaism is all about, they hear about its development through Christianity and receive a distorted view of Jewish ethics that Christianity offers.

This book does not give ready answers. Its aim is to offer the reader an unbiased view of the other side – to portray Judaism not in the distorted mirror of missionaries' propaganda and Christian texts, but as presented by authentic Jewish thought.

Let the reader himself make the choice.

We would like to thank the "Beith Morasha of Jerusalem" Study Center for their assistance in preparing this book.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Раздел I ПОЧЕМУ ЕВРЕИ НЕ ПРИНЯЛИ ХРИСТИАНСТВО	
Глава 1 Почему евреи не признают Иисуса Мессией	14
Глава 2 Правомочны ли «доказательства»? (Был ли "приход Иисуса" предсказан в еврейской Библии?)	21
Глава 3 Христианство и проблема идолопоклонства	29
Раздел II ЭТИКА ИУДАИЗМА И ЭТИКА ХРИСТИАНСТВА	
Глава 4 Искаженное представление об этике иудаизма в христианской культуре	34
Глава 5 "Вера" или "дела"?	40
Глава 6 Нетривиальные расхождения между еврейской и христианской этикой	
1. Еврейская "любовь к ближнему" и христианская "любовь даже к врагам" – в чем они различаются на самом деле	47
2. Принцип "непротивления злу насилием"	51
3. Заповеди – "обязанность" или "идеал"	54
4. Человек как "раб Бога", как "сын Бога" и как "супруг Бога"	54
Раздел III ТЕОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА И ИУДАИЗМ	
Глава 7 "Мирское" и "духовное"	57
Глава 8 Проблема "первородного греха"	58
Глава 9 Обладают ли ангелы свободой воли? (Человек как субъект истории или как поле борьбы высших сил)	64
ДОПОЛНЕНИЕ Диспут Нахманида (отрывки).	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ О взаимоотношениях евреев с христианами.	81

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Не часто бывает, что составители и редакторы предпосылают издаваемым ими книгам предисловия личного характера. Но в данном случае я решил сделать это, поскольку эта книга для меня связана с личными и очень важными моментами моей биографии. С другой стороны, может быть, моя история в этом плане не столь уж "личная"...

Я вырос в Москве в семидесятые годы в эпоху философских и религиозных исканий, подготовившую перемены конца восьмидесятых. Моя семья была обыкновенной московской еврейской семьей, нерелигиозной и ассимилированной, как и большинство еврейских семей в этом месте и в это время. Как большинство окружавшего меня диссидентски настроенного общества, я интересовался религией – то есть разными религиями в одинаковой степени, и христианством не меньше, чем иудаизмом. Одно время я регулярно посещал "иудео-христианский" кружок (нелегальный, естественно). Преподавали там еврей-христиане, люди весьма начитанные и образованные; во всяком случае, они знали гораздо больше, чем я в то время. Они находили преемственную связь между иудаизмом и христианством и доказывали необходимость перехода от первого ко второму, или даже синтеза еврейства и христианства. Они приводили доводы из еврейских источников, которые, казалось бы, подтверждали истинность их идей, – и у меня не было достаточно знаний, чтобы аргументированно возражать им. И все-таки через некоторое время я почувствовал, что ни в коем случае не могу принять их подход. То, что остановило меня, было значаще не логическим доводом и не историческим фактом, а чем-то совсем иным. Я почему-то начал думать о моих дедушках и бабушках, о своих еврейских предках, живших сто, двести, тысячу, две тысячи лет назад. Я почти ничего не знал о них, но они представлялись мне очень достойными людьми, – они были евреями и остались ими, несмотря на преследования и погромы, несмотря на то, что принятие христианства могло очень сильно облегчить им жизнь и решить для них очень

многие мелкие и крупные проблемы, и не только материальные – этот шаг мог приобщить их к культуре господствующего большинства, сделать их "своими" в обществе. И все же они не пошли на это. Что им помешало? Что мешало им сделать этот шаг на протяжении двухтысячелетней истории христианства? Я, к счастью, не был настолько высокомерен, чтобы считать моих прабабушек и прадедушек, а также и более отдаленных предков, людьми примитивными и духовно глухими – более примитивными и глухими, чем я, со своим советским "средне-верхним" образованием, цену которому все мы хорошо знаем. Я думал также о том, что на протяжении двух тысячелетий мои предки нередко готовы были пожертвовать своей жизнью, но не отступить от еврейской Торы. И поскольку они этого не сделали, я посчитал, что не имею морального права отказаться от их наследия – пока не пойму, почему они так поступали и чем так дорожили. А для этого, как я понял, нужно было много, очень много учиться. Но это было необходимо, чтобы быть честным по отношению к ним и к самому себе – ради цельности собственной личности. И тогда я начал учить иврит, ходить на занятия (тоже, конечно, подпольные) по иудаизму, разговаривать с приезжавшими из Израиля раввинами. Прошло несколько лет, прежде чем я смог твердо определить себя как религиозного еврея. И лишь тогда, когда я нашел свое место в иудаизме, я смог дать рациональное объяснение того, почему я отверг иудео-христианство.

Я был знаком с некоторыми евреями, которые приняли христианство; я знал, что они – люди порядочные и серьезные. И все-таки я думаю, что интерес к христианству привел их к крещению только по той достаточно внешней причине, что им, при известном духовном голоде, просто-напросто не хватило знаний об их собственном народе, о его истории, культуре и философии, и потому они толком не знали, от чего отказываются и на что решаются. Они потеряли духовную связь со своим народом, а одной только "родовой", кровной связи, конечно, было недостаточно, чтобы удовлетворить этот духовный голод. Я надеюсь, что эта книга, – объясняя, почему евреи отвергли христианство, – в какой-то мере поможет читателю понять еврейский подход к миру, понять своих не отказавшихся от еврейства предков и, таким образом, будет способствовать связи разных поколений нашего народа.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. ХРИСТИАНСТВО И ИУДАИЗМ: КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА НАСЛЕДСТВА

На свете есть немало разных религий, которые достаточно мирно сосуществуют, не навязывая друг другу теологических дискуссий. Есть примеры, когда религии плавно сменяют друг друга или даже перетекают одна в другую, известны также примеры конфликта между религиями. Но отношения между иудаизмом и христианством уникальны: в этом конфликте более молодая религия – христианство – претендует на то, что она-то и является "истинной наследницей" древнего иудаизма. Христианство всегда признавало, что оно происходит от "еврейского учения", но при этом стремилось как бы отодвинуть его в сторону и занять его место в том диалоге, который, согласно обеим религиям, Бог ведет с человечеством. В древности Бог выбрал еврейский народ Своим собеседником в этом диалоге (и, если угодно, Своим посредником по отношению ко всему человечеству) и дал ему Откровение – Тору и всю еврейскую Библию, которую христиане называют "Ветхим Заветом". Но затем, по мнению христиан, Бог отказался от диалога со Своими избранниками и передал людям новое послание, которое, в отличие от "Ветхого Завета", было обращено напрямую уже не только к евреям, но ко всему человечеству. С тех пор, как считают христиане, условия Завета (то есть "Договора", который Бог заключил с миром) изменились: если раньше непосредственным собеседником Всевышнего был народ Израиля, то теперь его место заняла интернациональная община христиан. И потому христиане называют себя "Новым Израилем", то есть "истинным" и "современным" Израилем, само существование которого в значительной степени уничтожает смысл отдельного существования еврейского народа. Претензия христиан на то, что они призваны заменить еврейский народ, порой находила весьма утонченное интеллектуальное выраже-

ние – например, в диспутах, где евреи вынуждены были выступать как ответчики перед церковью; порой же эта претензия выражалась физически – крестовыми походами, погромами и принудительными крещениями под угрозой смерти. До тех пор, пока христиане-неевреи не склонны выражать свою претензию быть "Новым Израилем" в насильственной форме, евреи не склонны придавать интеллектуальному конфликту с иноверцами большое значение. Однако ситуация совершенно меняется, когда этот конфликт переносится на собственно еврейскую почву. Поэтому, если к христианам-неевреям мы готовы относиться нейтрально, уважаем их взгляды и считаем, что они вправе верить в то, во что они хотят верить, и что не нам их переубеждать, – то в отношении евреев, принявших христианство, дело обстоит иначе. Они вызывают у большинства евреев (даже нерелигиозных) инстинктивное чувство брезгливости, отторжения, неприятия, – как будто эти люди изменили возложенной на них миссии, уклонились от возложенного на них долга (правда, в чем заключаются эта миссия и этот долг, многие далекие от собственной религии евреи в нашем поколении представляют себе довольно смутно). Это инстинктивное отвержение и неприятие распространяется также на возникшие не так давно новые формы христианизации евреев – общины "мессианских евреев", или "иудео-христиан".

2. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Я хотел бы сразу оговориться здесь, что, по моему мнению, современных иудео-христиан никак нельзя поставить на одну доску с выкрестами прошедших веков. В прошлом основным мотивом для крещения евреев чаще всего было стремление получить материальные или социальные блага, достичь психологического комфорта и быть принятым в нееврейской среде. С такими людьми, конечно, спорить было не о чем. В отличие от них, большинство иудео-христиан нашего времени пришли к своим взглядам в результате сложной и зачастую мучительной эволюции, которую можно назвать религиозным возрождением из недр чужой культуры.

Корни этой проблемы уходят во вторую половину прошло-

го века, когда происходил массовый отход европейских евреев от религии их отцов. В результате многие современные евреи – это уже третье, а то и четвертое поколение, выросшее вне своей религии и культуры. Они уже ничего не знают о самих себе, о своем духовном наследии и о тысячелетней еврейской культуре, основанной на иудаизме и на особых отношениях с Богом; даже отблеск еврейской духовности не коснулся их, и все еврейство свелось для них к ряду утомительных и непонятных обрядов и "провинциальной местечковости". И кроме того, что немаловажно, они зачастую видят иудаизм в том сознательно искаженном облике, в котором представляет его христианство.

Между тем в европейской культуре второй половины 20 века происходят процессы, во многом обратные тому процессу отхода от религии и замены ее наукой, который составлял магистральное направление европейской культуры 19 века. Возвращается серьезное отношение к религии и ритуалу как к необходимому элементу культуры, без которого никакое общество не может существовать. Это настроение религиозного возрождения захватывает тех людей, о которых мы говорим, – евреев, погруженных в недра чужой (европейской) культуры и обделенных в смысле органичной и естественной связи с культурой и религией их не столь уж отдаленных предков. Эти евреи участвуют в процессах религиозного возрождения наряду со своими нееврейскими соотечественниками и современниками – с той только разницей, что вторые реализуют эту религиозную тягу на материале своей собственной культуры и возвращаются к своему собственному прошлому, а первые зачастую – к прошлому чужому. Правда, все евреи, даже самые ассимилированные, знают или слышали, что иудаизм категорически отвергает "еврейское христианство", – но почему? В чем причина такого отношения? Именно к тому читателю, который хочет в этом разобраться, и обращена наша книга.

Мы хотим сразу предупредить, что вы не найдете в этой книге попыток доказать, что иудаизм "правильнее" или "лучше", чем христианство. Мы полагаем, что никакие доказательства в религиозной сфере вообще невозможны; кроме того, принятие

* Недаром Достоевский говорил, что "еврея без Бога и представить себе невозможно"; правда, в 20 веке стали возможными многие невозможные вещи, в том числе и эта.

той или иной религии – это вопрос экзистенциального выбора, а выбор этот опирается на глубинные устремления личности в гораздо большей степени, чем на логические доводы. Наша цель состоит поэтому в том, чтобы разъяснить разницу в подходе к миру между иудаизмом и христианством и таким образом предоставить читателю возможность делать свой выбор с большими основаниями.

3. О СОВРЕМЕННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Если в прошлом почти все течения христианской церкви занимались активной миссионерской деятельностью среди евреев, стремясь "спасти их души" путем обращения в христианство, то в нашем столетии большинство христианских конфессий приостановили усилия в этом направлении, приняв концепцию "особого еврейского пути". Так, один из наиболее значительных современных протестантских теологов Карл Барт пишет о народе Израиля:

"Ибо неоспоримо, что еврейский народ, как таковой, есть святой народ Бога; народ, знавший милость Его и Его гнев, среди этого народа Он благословлял и судил, просветлял и ужесточал, принимал и отвергал; дело Его этот народ так или иначе сделал своим делом, и не прекращал считать своим делом, и никогда не прекратит. Все они по своей природе освящены Им, освящены как преемники и родственники Святого в Израиле; освящены так, как не могут быть освящены по природе своей неевреи, даже христиане-неевреи, даже лучшие из христиан-неевреев, несмотря на то, что они тоже теперь освящены Святым во Израиле и стали частью Израиля" (Догматы церкви, 11, 2, с. 287).

Точка зрения, близкая к этой (но в более расплывчатой форме), принята сегодня также во многих кругах католической церкви и некоторыми отдельными теологами в православии (С.Булгаков); она же лежит в основе движения "христиансионистов" и той поддержки, которую они оказывают Государству Израиль и евреям.

Но внутри христианства существуют и иные идеологические течения: от агрессивно антисемитских до агрессивно миссионерских. В наше время наиболее активно миссионерской деятельностью занимаются "Евреи за Иисуса", "мессианские евреи" и другие иудео-христианские организации.

Организация "Евреи за Иисуса" не является еврейской, как это могло бы показаться из ее названия. Это движение было создано в США христианскими миссионерами, которые придерживались мнения, что только с помощью крещения еврейского народа – народа, через который миру было дано Откровение, – можно приблизить "второй приход Христа", а потому, по их мнению, миссионерская деятельность среди евреев особенно важна. Поскольку попытки привлечь евреев в основные христианские конфессии – православие, католицизм и протестанство – не увенчались большим успехом, эти миссионеры решили создать для своих целей отдельную христианскую конфессию. Чтобы придать ей привлекательность в глазах евреев, они назвали ее "Евреи за Иисуса" (а позже, для того, чтобы вообще скрыть имя "Иисус", часть организации переименовала себя в "мессианских евреев"). С 1992 года миссионеры "Евреев за Иисуса" начали активную деятельность в России и на Украине, считая, что в смутное время, переживаемое сегодня СНГ, им будет легче обратить евреев в свою веру.

Надо сказать, что евреи только в редчайших случаях занимаются критикой чужих религий, обычно предпочитая тратить свои силы и время на изучение религии собственной. Эта книга – как раз такой достаточно редкий случай, вызванный необходимостью разъяснить еврейский подход к проблеме, вызывающей сегодня множество споров. В этой книге мы хотели бы объяснить, почему христианство неприемлемо для еврейского народа, и мы надеемся, что она станет одним из элементов противодействия миссионерской деятельности.

Раздел I

ПОЧЕМУ ЕВРЕИ НЕ ПРИНЯЛИ ХРИСТИАНСТВО

Глава 1

ПОЧЕМУ ЕВРЕИ НЕ ПРИЗНАЮТ ИИСУСА МЕССИЕЙ

1. Проблема реализации мессианских пророчеств

Одним из фундаментальных положений христианства является идея о том, что Иисус из Назарета – это уже пришедший Мессия. Поскольку само слово "Христос" есть греческий перевод слова "Мессия" ("помазанник"), идея эта лежит в самой основе христианской веры. Отвергая христианство, евреи прежде всего отвергают признание Иисуса Мессией. Почему евреи придерживаются такой точки зрения?

Для того, чтобы можно было решить, является ли Иисус Мессией, нужно прежде всего разобраться с самим термином "Мессия", понять, что он включает в себя. Прежде всего надо иметь в виду, что само понятие "прихода Мессии" введено пророками древнего Израиля; именно наличие их пророчеств и заставляло людей ожидать прихода Мессии. Таким образом, если человек объявляет себя (или кто-то объявляет его) Мессией, то следует проверить, соответствует ли этот человек пророчествам о Мессии, совершил ли он то, что древнееврейские пророки ожидают от Мессии.

В древних библейских пророчествах Мессия – это царь^{*} и духовный вождь еврейского народа. При жизни и правлении Царя-Мессии совершится процесс "Геула", "Избавление", – иначе говоря, освобождение и возрождение всего мира. Это возрож-

^{*} Помазание особым маслом ("елеем") было частью церемонии, проводившейся в древности при возведении царей на престол. Поэтому слово "Мессия" (в еврейском произношении "Машиах", буквально: "помазанник") на иврите иносказательно означает "царь".

дение представлялось пророкам происходящим в объективной реальности, явным и несомненным для всех людей. Прежде всего, во времена Мессии прекратятся войны, настанет всеобщий мир и благоденствие, и все люди, наслаждаясь покоем и гармонией, смогут посвятить себя познанию Бога и духовному совершенствованию.

Описывая мессианские времена, пророк Исаия (60:16-22) говорит: "И тогда узнаешь ты, что Я – Господь, спасающий тебя и избавляющий тебя, Могучий Яакова ... И поставлю вместо надзирателей твоих мир и вместо притеснителей твоих – справедливость. Не слышно будет более насилия в земле твоей, грабежа и разрушения – в пределах твоих, и назовешь стены твои спасением и ворота твои – славой. Не солнце будет светить светом дневным для тебя, и не луна будет сиять тебе, но будет тебе Господь светом вечным, и Бог твой – великолепием твоим. Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не скроется, ибо Господь будет для тебя светом вечным, и окончатся дни скорби твоей. И народ твой – все праведники, ветвь насаждения Моего, дело рук Моих во славу навеки унаследуют эту страну... Я, Господь, в назначенное время ускорю это". А пророк Иеремия (23:5) говорит о Мессии, потомке Давида, так: «Вот, наступят дни, – сказал Господь, – когда взращу Я Давиду праведного потомка, и будет он царствовать, и будет мудр и удачлив, и будет вершить суд и правду на земле. Во дни его Иефуда будет спасен, и Израиль будет жить в безопасности; и вот имя его, которым назовут его: "Господь – справедливость наша"»^{*}.

* Кстати, интересно отметить, что неверное понимание библейского иврита послужило причиной того, что многие христианские теологи трактовали встречающееся у Иеремии имя Мессии "Господь справедливость наша" (и подобные имена у других пророков, как, например, Исаия 9:6 «... и назовут имя его: "Могучий Бог, Отец вечности, Властитель мира – советующий чудесное"») как "доказательство" того, что у пророков Мессия якобы отождествляется с Богом, т.е. как намек на воплощение. На самом деле это имена, являющиеся определенными высказываниями о Боге, и они достаточно распространены в Библии. По сути, сами имена Исаия и Даниэль являются высказываниями о Боге ("Исаия": букв. "Господь – спасение мое"; "Даниэль": "Бог – Судья мой"). Более длинные подобные имена, из нескольких слов, тоже встречаются довольно часто. Например, Моисей (Исход 17:15) называет построенный им жертвенник "Господь – чудесное знамя мое", но никому еще не пришло в голову утверждать на этом основании, что Моисей отождествил жертвенник с Богом.

Исаия (2:4) подчеркивает, что дни пришествия Мессии будут эпохой межнациональных и социальных перемен: "И перекуют все народы мечи свои на орала [т.е. плуги] и копыя свои – на серпы; не поднимет меча народ на народ, и не будут больше учиться воевать". Мир, всеобщее братство людей и прекращение насилия – самые главные приметы наступления мессианских времен.

В этих пророчествах есть одна очень существенная особенность, на которую следует обратить внимание: для еврейских пророков духовное возрождение мира неотъемлемо от объективных социальных перемен в реальной действительности. Во-первых, Мессия пророков – не божество, а реальный человек из плоти и крови, потомок царя Давида. Во-вторых, в центре внимания пророков находится, в сущности, не сама личность Мессии, а те задачи, которые перед Мессией стоят, те изменения, которые он вносит в мир. Это общая и характерная черта мировосприятия иудаизма, для которого истинная духовность всегда реализует себя в материальном: для того и создан человек, чтобы одухотворить и освятить, "возделать" окружающий мир – и себя вместе с ним.

Только осознав характер мессианских предсказаний древнееврейских пророков, мы можем представить себе, каким страшным ударом для первых христиан явилась смерть человека, которого они считали Мессией. Ведь, как известно из евангелий, и сам Иисус, и его соратники, как и все другие евреи в его время, безусловно признавали авторитет пророков*. Иисус погиб, так и не совершив ничего из того, что было предназначено и чего ждали от мессианских времен, – как же теперь можно было продолжать верить в его мессианство**? Мы можем пред-

* См., например, Евангелие от Матфея (5:17), где Иисус говорит: "Я пришел не для того, чтобы отменить Закон [Тору] или Пророков... Истинно говорю вам: пока существуют небо и земля, ни одна буква не исчезнет из Закона...".

** Приведем один интересный эпизод, который может пояснить эту проблему. Один из выдающихся раввинов начала нашего века путешествовал по России и в поезде оказался свидетелем разговора между христианским миссионером и несколькими глубоко религиозными, но не очень образованными евреями. Евреи как раз высказали свою убежденность в правоте подхода еврейских мудрецов к вопросу о Мессии. "Если так, – спросил христианин, – то как вы можете объяснить то, что рабби Акива,

ставить себе, что многие евреи, страстно ждавшие Избавления и привлеченные яркой личностью Иисуса, считали его возможным Мессией. Его смерть поставила их перед тяжелой дилеммой: с одной стороны – пророчества, ясно очертившие деяния, которые должен совершить Мессия; с другой стороны – их мессианские надежды на Иисуса. Большинство евреев, современников Иисуса, с горечью признались себе в том, что они ошиблись и что Бог еще не послал Избавления Своему народу: Мессия еще не пришел. Вновь нужно было ждать истинного Спасения – ждать столько, сколько будет нужно, как бы ни была сильна тоска по Избавлению.

Но были среди современников Иисуса и такие люди, которые уже не в силах были отказаться от того, во что так страстно уверовали. Слишком яркой была вспышка надежды, слишком сильной была боль утраты, чтобы взглянуть в лицо горькой правде. Они уже не могли отступить. Оказалось, что для этой небольшой группы легче было "подогнать" пророчества под конкретные факты жизни Иисуса, чем применить к его деятельности определения и критерии, переданные нам пророками.

2. Христианская переинтерпретация понятия "Мессия"

Группа евреев, сторонников Иисуса, во-первых, отказалась поверить в его смерть. Во-вторых, они стали пытаться по-новому истолковать библейские пророчества, искать в них иные, неизвестные ранее смыслы – такие, которые допускали бы мысль о том, что Мессия может погибнуть, не принеся ожидавшегося Избавления. Иначе говоря, они искали у пророков не истину, а подтверждение своих представлений о том, что Иисус является долгожданным Мессией. (Подробнее о христианских толкованиях пророческих книг см. ниже.) Концепцию Мессии, переданную нам пророками, они заменили на совершенно но-

один из величайших мудрецов Талмуда, вначале принял Бар-Кохбу (вождя еврейского восстания против римлян, 133 г.н.э.) за Мессию?" Евреи смутились и не знали, что ответить. Раввин, до тех пор не вмешивавшийся в разговор, повернулся к христианину и спросил: "А откуда Вы знаете, что Бар-Кохба не был Мессией?" "Это очевидно, – ответил тот, – Бар-Кохба погиб, не принеся освобождения". "Так примените этот ответ к своим собственным доводам об Иисусе", – предложил раввин миссионеру.

вую. Они стали утверждать, что Мессия должен прийти дважды. Смерть Иисуса, свидетелями которой были его современники, должна быть отнесена к "первому приходу", при котором Мессия, оказываясь, и не должен был изменить объективный мир и принести Израилю реальное освобождение. Сфера его деятельности при "первом приходе" была перенесена в мистические области, недоступные восприятию обычного человека; ее целью было объявлено мистическое "искупление первородного греха", которое отныне и рассматривалось как Спасение – спасение внутреннее, не проявляющееся в объективных явлениях внешнего мира. Этот принципиальный сдвиг в концепции Мессии дал христианам возможность объяснить смерть Иисуса и, сохранив веру в "уже пришедшего Мессию", отодвинуть в будущее мессианские задачи, о которых говорили древние пророки. Задачи эти, соответственно, были перенесены на "второе пришествие", когда воскресший Иисус снова явится людям и осуществит наконец все, что предназначено совершить Мессии.

Естественно, что эта переинтерпретация мессианской задачи не была принята еврейским народом, и с этого момента пути еврейства и христианства разошлись.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что мы отнюдь не утверждаем, что ученики Иисуса были людьми, цинично манипулирующими религиозными убеждениями группы своих сторонников. Их взгляды, сформировавшиеся в эпоху, полную трагедий и катаклизмов, под мощным давлением исторических катастроф, возможно, были вполне искренними. Но изучение процесса, приведшего к формированию их взглядов (и других подобных процессов в истории), дает основание для известного скептицизма, причем не столько в отношении их искренности, сколько в отношении их способности объективно оценить реальную ситуацию.

3. Исторические параллели: христианство и саббатизм

В еврейской истории не один раз появлялись харизматические народные вожди, в связи с которыми вновь и вновь вставал вопрос об истинном и ложном Мессии и о признаках, по которым можно его узнать. Психологические процессы, проис-

* Ниже (в главе 8) мы рассмотрим различия между еврейским и христианским подходами к проблеме "первородного греха".

ходившие в народном сознании в эти эпохи, зачастую были очень похожи на формирование христианской мессианской модели. В частности, чрезвычайно наглядную параллель с возникновением христианской концепции представляет собой саббатанство – движение объявившего себя Мессией Шабтая (Саббатая) Цви. Поскольку движение Шабтая Цви имело место исторически относительно недавно и хорошо документировано, мы имеем возможность проследить в деталях процесс трансформации взглядов группы последователей несостоявшегося Мессии.

Шабтай Цви, еврей из Смирны (Измир, западная Турция), основавший во второй половине 17 века широкое мессианское движение среди евреев Европы и Ближнего Востока, был одним из наиболее ярких и удачливых кандидатов на роль Мессии во всей еврейской истории. Обладая большими способностями к убеждению и чертами харизматического лидера, он привлек к себе огромное число сторонников. Посланцы с "благой вестью об Избавлении" ездили по всему миру, и многие еврейские общины почти целиком перешли на его сторону. Успех Шабтая Цви достиг апогея летом 1666 г., когда, по-видимому, большинство евреев в мире всерьез поверили в то, что он является Мессией. Однако в сентябре того же года турецкий султан арестовал Шабтая Цви и поставил его перед выбором: переход в ислам или смерть. Шабтай Цви выбрал переход в ислам. Он умер через десять лет, будучи мусульманином.

Ренегатство "Мессии", невыполнение им мессианских пророчеств было таким же ударом для последователей Шабтая Цви, как смерть Иисуса для ранних христиан. И вновь большинство евреев признало свою ошибку и с болью смирилось с новым разочарованием. Но были и такие, кто настолько увлекся, что не смог отказаться от своей веры в уже якобы пришедшего Мессию Шабтая Цви. Они должны были найти объяснение случившемуся – и поразительны совпадения тех оправданий, которые находили своему учителю приверженцы Шабтая Цви, с утверждениями ранних христиан.

Отдельные фразы Шабтая Цви были истолкованы так, как будто бы он заранее предсказывал свое обращение в мусульманство. Его "возвращения" тоже ждали – сначала его возвращения к иудаизму из ислама, а потом его возвращения из могилы. Факт его смерти тоже отрицали, причем и в этом случае мы находим историю с "пустой могилкой". Снова перечитывали

Библию, чтобы найти то, чего до сих пор там никто не находил, – на этот раз указания на то, что Мессия *перейдет в другую веру*, не принеся мира Земле и освобождения Израилю. И вновь поиски "увенчались успехом". В главе 53 книги Исайи, с пристрастием читавшейся как христианами, так и саббатанцами, есть такие слова: "Болезни наши переносил он, и боли наши терпел он, а мы считали, что что он поражаем, побиваем Богом и истязаем. Изранен он преступлениями нашими, сокрушен грехами нашими" (стихи 4-5). Согласно традиционным еврейским комментариям, эти слова произносят народы мира, пораженные стойкостью Израиля. Христиане относят слово 'изранен' (ивр. 'мехолаль') к Иисусу и понимают его как 'пронзен', находя, таким образом, у пророка "предсказание о мучениях Иисуса"; саббатанцы же толкуют то же слово 'мехолаль' как 'осквернен' и воспринимают тот же самый стих как "пророчество" о том, что Мессия перейдет в другую веру.

И, наконец, необходимо было объяснить измену Шабтая Цви и его катастрофический конец. Решение этой проблемы, как и в случае генезиса христианства, было найдено в перенесении задач Мессии "при первом его приходе" с уровня объективного и видимого на уровень мистический и невидимый. Для того, чтобы найти оправдание бесславному завершению жизненного пути Шабтая Цви, его приверженцам пришлось прибегнуть к мистическим аргументам: по их мнению, Мессия Шабтай должен был проникнуть в глубины мирового зла, чтобы войти в контакт с заключенными в нем искрами святости, соединиться с ними, а затем, "открыв ворота зла изнутри", вывести их наружу и принести освобождение и им самим, и всему миру. (К сожалению, здесь мы не можем подробно вдаваться в анализ созданного последователями Шабтая Цви объяснения, основанного, на самом деле, на искаженной интерпретации некоторых идей Каббалы, – объяснения, возможно, даже более блестящего, чем христианский вариант решения аналогичной проблемы.)

В конце концов небольшой группой последователей Шабтая Цви был сделан также и последний шаг, и они объявили его "Богом". Остальные евреи после этого окончательно отвернулись от этой группы как от идолопоклонников. Просуществовав около 100 лет, движение саббатанцев окончательно распалось.

Генезис двух лжемессиянских концепций – христианства и саббатанства – проходил по одной и той же схеме. В обоих

случаях деятельность "кандидата в Мессию" завершалась так, что, казалось бы, возможность веры в его мессианство была исключена, – и в обоих случаях невозможное становилось возможным благодаря ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЮ РОЛИ МЕССИИ ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТОБЫ ОНА СООТВЕТСТВОВАЛА СУДЬБЕ ДАННОГО ЧЕЛОВЕКА. Фактически происходила подгонка мессианской концепции под данную конкретную личность.

И в том и в другом случае еврейский народ нашел в себе силы пережить горечь разочарования и остаться верным своей религии и Торе. Поскольку библейское пророчество о Мессии оставалось неисполненным, вывод можно было сделать только один: спасение еще не пришло. Для евреев, в своем ожидании постоянно подвергавшихся насмешкам и презрению других народов ("Где же ваш Мессия?"), этот вывод был более чем болезненным. Но он неизбежен – если только мы хотим быть честными перед собой, перед историей, перед нашим Священным Писанием и перед Богом. В несчастье и в веселье, во времена Катастрофы и в эпоху возрождения еврейского государства верные Торе и своему наследию евреи могут только повторить слова своих предков: "Я верю полной верой в приход Мессии, и хотя он и медлит – я буду каждый день ждать его прихода."

Глава 2

ПРАВОМОЧНЫ ЛИ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»?

БЫЛ ЛИ "ПРИХОД ИИСУСА" ПРЕДСКАЗАН В ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИИ?

1. Преемственность или разрыв

В течение более трех тысячелетий еврейская Библия была свидетельницей многих великих исторических эпох, снова и снова оказываясь в центре внимания народов мира. Невозможно переоценить тот громадный вклад, который она внесла в мировую историю и культуру, в развитие этических, политических и социальных учений. Книга, в которой описывались события древней истории евреев, сыграла огромную роль в истории народов Запада и Востока. Но при этом она всегда оставалась тем же, чем была с самого начала, – Законом и историей небольшого древнего ближневосточного народа, евреев, написанной на их языке – древнееврейском, или иврите.

Уникальная роль этого Текста в мировой культуре определила интерес нееврейских народов к иудаизму. Задолго до появления христианства иудаизм пользовался большой популярностью среди неевреев, в особенности интеллектуалов эллинистической эпохи. Многие знаменитые учителя и мудрецы, упоминающиеся в Талмуде, были прозелитами (т.е. бывшими неевреями, принявшими иудаизм и таким образом ставшими евреями) или происходили из семей прозелитов – греков, римлян, персвов. Глубоким интересом к Учению иудаизма объясняется осуществление греческого перевода Торы, осуществленного в 3 веке до н. э. семьюдесятью еврейскими учеными по особому заказу александрийского царя Птолемея II Филадельфа^{*}.

Популярность иудаизма в значительной степени послужила основой для распространения учения христианства. Поскольку евреи не занимались миссионерской деятельностью, иудаизм не являлся конкурентом этому новому учению. Христиане являлись к языческим народам под видом законных представителей и продолжателей иудаизма; в особенности активно и беспрепятственно они могли играть роль "представителей" и "наследников" после разрушения Храма, когда политическая сила евреев была уже сломлена и иудаизм лишен централизованного руководства, а потому христианские миссионеры могли не опасаться опровержения со стороны официальных представителей еврейской религии.

Проповедники христианства выдавали себя за последователей знаменитого Моисеева Учения, утверждая, что их вера проистекает из Писания, а основоположник христианства является новым пророком, "дополнившим" и "развившим" иудаизм. Однако с древнейших времен христиан беспокоил один неприятный факт. В то время как распространение христианства среди язычников почти не встречало идейного сопротивления, евреи, от имени которых говорили христиане, не желали признавать хрис-

* Перевод этот известен под названием Септуагинты, или "перевода семидесяти толковников". Сообщения о переводе содержатся в некоторых исторических памятниках древности, в частности в Талмуде (трактат Мегила 9а и др.). Согласно Талмуду, переведена была только Тора (Пятикнижие Моисеево), но не книги Пророков и Писаний. Принятый ныне в греческой православной церкви текст "Септуагинты", содержащий перевод всего Священного Писания, сделан в более позднее время и не является древней Септуагинтой.

тианскую интерпретацию, считая ее профанацией Святого Учения, которое им-то как раз было хорошо известно. Евреи были "живым обличением" христианства, и поэтому на протяжении почти всей своей истории христианство не прекращало попыток любым путем обратить евреев в "веру Христа" и ради осуществления этой цели не гнушалось никакими средствами.

Одним из путей подтверждения своих претензий на еврейское наследство была для христиан фальсификация еврейского текста Библии с помощью тенденциозных переводов. Эти переводы делались так, чтобы "подогнать" библейский текст под христианскую догматику, увязать христианство с Ветхим Заветом, и представить его как законного наследника "религии пророков". В противном случае христианство лишалось связи с известным всему древнему миру синайским Откровением и теряло одну из главных опор своей "богвоздохновенности".

Для того чтобы доказать преемственную связь между Ветхим Заветом (то есть еврейской Библией – ТаНаХом) и Новым Заветом – книгой новой религии, уже в раннюю эпоху существования христианства был составлен целый список стихов, взятых из еврейского Священного Писания, якобы свидетельствующих, что события, произошедшие с основателем христианства – Иисусом, были предсказаны библейскими пророками. Евреев, которые продолжали читать ТаНаХ в оригинале и, конечно, не находили в нем никаких доказательств христианства, обвиняли в "жестоковейности", в "упрямом отрицании очевидных фактов, свидетельствующих о Христе". На протяжении многих веков иудаизм находился на положении ответчика перед господствующей христианской церковью. В бесконечных диспутах с евреями проповедники христианства из поколения в поколение повторяли одни и те же аргументы "списка свиде-

* Следует отметить, что диспуты с евреями и в новейшее время рассматривались христианами как миссионерская деятельность с целью обращения евреев в христианство, а вовсе не как совместный поиск истины. Либеральный протестантский богослов (кстати, дружелюбно относившийся к евреям), Карл Людвиг Шмидт, откровенно высказал это евреям во время диспута с еврейским философом Мартином Бубером в 1933 году: "Евангельский богослов, которому приходится говорить с вами, должен говорить с вами как член церкви Иисуса Христа, должен стремиться говорить таким образом, чтобы передать еврею послание Церкви. Он должен это делать даже тогда, когда вы бы не стали приглашать его делать это. Утверждение христианской миссии в разговоре с вами может иметь у

тельств”, совершенно игнорируя разъяснения и ответы своих оппонентов.

Для человека, который верит в то, что еврейское Священное Писание – это величайшее откровение Бога миру, содержащее в себе пророчества на все времена, жизненно необходимо найти в нем подтверждение своим религиозным воззрениям. Именно поэтому христиане, и в особенности иудео-христиане, всегда приводят эти пророчества как одно из обоснований своей веры; на них же опирается провозглашенное христианами право считать себя “Новым Израилем”.

Подробная критика христианского “списка доказательств” требует детального анализа еврейского текста Библии. Поэтому мы разберем здесь только одно из них – самое известное и наиболее широко цитируемое. Анализ некоторых других, наиболее часто выдвигаемых христианскими миссионерами “доказательств”, см. в конце главы в “Дополнении”.

2. Предсказание о “непорочном зачатии”

Один из основных догматов христианства – положение о чудесном рождении Иисуса. Согласно христианскому вероучению, Иисус родился от девственницы, чудесным образом зачавшей его без мужчины. Этот догмат основан на известном тексте Евангелия от Матфея: «Да сбудется реченное Господом через пророка (Исайя, 7:14): “Итак, Сам Господь даст вам знамение: Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут ему имя Иммануэль”»¹.

Таким образом, христиане обосновывают догмат о “непорочном зачатии” ссылкой на книгу Исайи. Утверждение о том,

вас несколько горьковатый привкус и рассматриваться как нападение. Однако такое нападение как раз и влечет за собой заботу о вас, евреях, – дабы вы могли жить вместе с нами как братья на нашей германской родине и во всем мире...”

Типичным примером является “Диспут Нахманида”, один из наиболее известных и хорошо документированных диспутов, имевший место в XIII веке в Испании. Отрывки из книги Нахманида, в которой он пересказывает ход диспута, см. в Дополнении в конце нашей книги.

Следует напомнить, что написание слов “Дева” и “Сын” с заглавной буквы существует только в христианских переводах книги Исайи на греческий и другие европейские языки. В оригинальном еврейском тексте Библии этих заглавных букв нет, поскольку в иврите вообще нет заглавных

что Исайя "предсказал" непорочное зачатие Иисуса, играет важную роль в христианском богословии. Проблема, однако, в том, что ивритское слово 'алма', которое употребляет Исайя, однокоренное с ивритскими словами 'элем' – 'юноша', 'отрок' (см. Самуил I 17:56) и 'алумим' – 'юность' (см. Исайя 54:4; Псалмы 89:46) и означает не именно 'девственница', а вообще 'юная, молодая женщина'. Это особенно ясно видно, например, из контекста, в котором употребляется это слово в "Притчах Соломона" (30:19): «Три вещи сокрыты от меня, и четырех я не знаю: путь орла на небе, путь змея на скале, путь корабля среди моря, путь мужчины в юной женщине ('алма'). Таков и путь блудницы: поела, обтерла рот свой и говорит: "Не сделала я ничего худого"». Четыре "пути", о которых говорится в начале стиха, потому и сходны с "путем блудницы", что они не оставляют видимых следов. Но ведь "путь мужчины в женщине" не оставляет следов именно в том случае, если она уже утратила девственность. Вот почему никак нельзя перевести слово 'алма' у Исайи как 'Дева': это очевидная ошибка в понимании еврейского текста – либо же подтасовка²².

Таким образом, текст Исайи не имеет никакого отношения к догмату о непорочном зачатии. Это становится еще более очевидным при обращении к тому контексту, из которого взят стих о рождении ребенка по имени "Иммануэль". Пророк Исайя выходит навстречу иудейскому царю Ахазу и говорит ему, что он не должен бояться выступивших против него соединенных армий северного Израильского царства ("Эфраима") и Рецина, царя Арама, и ни в коем случае не должен обращаться за помощью к Ассирии. Он вскоре сможет победить их собствен-

букв. Написание с заглавной буквы слов "Дева" и "Сын" в евангелиях само по себе является христологической интерпретацией библейского текста.

²² "Девственница" на иврите – 'бетула' (см.: Левит 21:3; Второзаконие 22:19; Иезекииль 44:22; Йозель 1:5). Если бы Исайя имел в виду именно необычайный факт рождения ребенка у девственницы, он бы, несомненно, употребил именно это слово.

²³ Эту же ошибку мы находим в греческом переводе Исайи, в котором слово 'алма' переведено как 'партенос', то есть 'девственница'. Как уже указывалось выше, в Септуагинту (наиболее старый и авторитетный перевод Святого Писания на греческий) Книга Исайи не входила, и ее перевод на греческий был сделан позже и неизвестно кем. Этот перевод сохранился только в христианской традиции – и, по-видимому, прошел редактирование в нужном христианам направлении.

ными силами, и вот ЗНАК, который подаст царю Ахазу Всевышний: эта молодая женщина – 'алма' – забеременеет и родит сына, которому нарекут имя Иммануэль (дословный перевод: "С нами Бог"), и прежде, чем этот сын вырастет, не останется следа от армий Эфраима и Арама. Вообще говоря, Божественный знак (ивр. 'от'), на который указывают пророки в подтверждение своих слов, отнюдь не всегда является чудом, нарушающим законы природы (как, например, в книге Исход 3:12); зачастую обычное событие, предмет или человек могут стать символами, напоминающими людям о Божественном Провидении, о пророчестве и о его исполнении. В данном случае рождение мальчика (близкое будущее) должно стать знаком будущего падения Эфраима и Арама (далекое будущее). Далее (стих 8:18) Исайя говорит отступникам: "Держите совет, но он расстроится; изрекайте решение, но оно не осуществится, ибо с нами Бог (ивр. 'имануэль'). Вот я и дети, которых дал мне Господь, как знак ('от') и знамение в Израиле от Господа, Бога Воинств, обитающего в Сионе" (8:18)*.

Итак, Евангелие от Матфея приводит ошибочную версию стиха из Исайи, основанную на искаженном понимании библейского иврита. Интересно, что в недавнем издании "Новой английской Библии" этот стих из Исайи в разных местах переводится по-разному: в переводе самой книги Исайи слово 'алма' переведено как *'young woman'* ('молодая женщина'), а в переводе Евангелия от Матфея – как *'Virgin'* ('Дева'). Это поучительный пример противоречивой установки переводчиков: с одной стороны – требования языковой точности и научной добросовестности, с другой стороны – верность христианскому догмату. Переводчики Евангелия от Матфея не могли перевести это слово иначе как "Дева", – в противном случае у них разрушалось все обоснование христианского догмата о непорочном зачатии.

Евреи, знакомые с еврейским текстом Исайи, видели подтасовку в христианской ссылке на "Ветхий Завет" и не могли согласиться с тем, что "чудесное рождение Иисуса" якобы было предсказано древними еврейскими пророками, в то время как

* Отсюда большинство комментаторов делает вывод, что мальчик по имени Иммануэль, долженствующий быть знаком Божественной воли, – не кто иной, как сын самого Исайи, а его мать, жена пророка Исайи, – та самая 'алма', о которой говорится в пророчестве.

другие народы, желавшие присоединиться к монотеизму, принимали эти доводы на веру.

Остается только поражаться тому факту, что в течение почти двух тысяч лет в качестве "обоснований" христианства использовались элементарные подмены в переводе. Именно на это рассчитано большинство христианских ссылок на Ветхий Завет: они строятся на неточностях перевода и на произвольных толкованиях отдельных стихов, вырванных из контекста.

3. Дополнение

КАНОНИЗАЦИЯ ИСКАЖЕНИЙ В ХРИСТИАНСКИХ ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ

Сомнения в истинности "списка свидетельств", долженствующего свидетельствовать о преемственной связи между иудаизмом и христианством, возникали и у наиболее образованных людей в кругах самих христианских богословов. В этой связи немалый интерес представляет книга профессора Петербургской Духовной Академии И.А. Чистовича "История перевода Библии на русский язык", в которой, в частности, рассказывается о докторе богословия протоиерее Г.П. Павском. Протоиерей Г.П. Павский был профессором древнееврейского языка в Петербургской Духовной Академии с 1818 по 1827 гг. Он был одним из тех редких христианских богословов, которые хорошо знали язык Писания. Работая со студентами, он – в основном в учебных целях – стал переводить Библию с древнееврейского на русский язык и постепенно довел свой перевод до конца пророческих книг. Напомним, что любая попытка перевода Библии на русский язык в России в то время была строжайше запрещена: церковнославянская Библия была канонизирована православной церковью, и любое отклонение от ее текста уже считалось расколом. Студенты Г.П. Павского умудрились, вопреки запрету администрации, отпечатать несколько сот экземпляров отдельных его переводов Библии под видом студенческих лекций. При этом строго предупреждалось, что ни один экземпляр не должен попасть в руки "светских лиц". Экземпляры переводов студенты хранили у себя и пользовались ими в

* И.А. Чистович. История перевода Библии на русский язык. СПб, 1873. История с переводом Библии Г.П. Павского приводится нами по статье Б. Хаскелевича "Переводы Библии".

классе на лекциях по Священному Писанию и по древнееврейскому языку.

Однако все это недолго оставалось тайной. Киевский митрополит Филарет получает из Владимира длинное анонимное письмо, написанное, как позднее оказалось, монахом Агафангелом, будущим архиепископом Волынским. В письме говорилось: "Высокопреосвященнейший Владыко! Змий начал уже искушать простоту чад св. православной церкви и конечно станет продолжать свое дело, если не будет уничтожен блюстителями православия... Ужели допустить, чтобы враг сеял более и более свои плевелы посреди пшеницы, чтобы яд его беспрепятственно распространялся между верующими!"

Чем же провинился протоиерей Г.П. Павский, что возбудил к себе столь ревностный гнев? Во время разбирательства в Синоде Г.П. Павскому было задано пять вопросов, содержание которых сводилось к следующему. Признает ли он, что пророчество Исайи (7:14) "Се Дева во чреве приимет..." говорит о "рождении Иисуса Христа от Девы Марии", и если признает, то почему в заголовке к своему переводу данной главы он написал, что Исайя говорит о событиях, связанных с временами древнеиудейского царя Ахаза? Признает ли он, что пророчество Даниила о "семидесяти седмицах" (Даниил 9:24) относится ко времени "пришествия Христова", и если признает, то почему же он в примечаниях написал совсем другое? В том же духе следовали и остальные вопросы относительно тех мест Писания, которые церковь относит к "списку свидетельств об Иисусе в Ветхом Завете" и которые в переводе протоиерея Павского потеряли всякий намек на "явление Христова". Показательно, что члены комиссии не обвиняли Павского в незнании библейского языка (для подобного обвинения их собственных знаний не хватило бы) или в преднамеренном искажении перевода. Преступление Павского заключалось в преподавании и распространении перевода, противоречащего догматам церкви. Ведь его переводы недвусмысленно свидетельствовали о том, что "список свидетельств Ветхого Завета о пришествии Христовом" лишен всякого смысла.

Павский отвечал Синоду, что он безусловно верит во все догматы церкви. Что же касается его лекций и переводов, то как профессор древнееврейского языка он не мог в них вносить ничего *догматического*. Уроки догматики ведет другой профессор; его же, Павского, задача – воспроизвести только "ход речи

и содержание Пророков". Но что касается хода речи и содержания текста Святого Писания, то в пророческих книгах говорится, разумеется, о другой эпохе, а не о пришествии Христа!

В пророчестве Даниила о "семидесяти седмицах" протоиерей Павский делает еще одно открытие, сенсационное для христиан. В церковнославянском переводе здесь употреблен термин "Христос Владыка". "Древние толковники, – пишет Павский, – построили свое толкование на основании неверного греческого перевода и особенно на имени "Христос" – "помазанник", прилагая его к Искупителю рода человеческого. Но кто нынче не знает, что имя сие относится и вообще к царям? И именно у пророка Исайи сим именем назван Кир, царь персидский – 45:1".

В том же ключе – то есть беря за основу не христианскую интерпретацию текста, но непредвзятое прочтение еврейского оригинала – были переведены и истолкованы и другие спорные стихи из "Ветхого Завета": главы 10-12 и 40-46 из Исайи, в которых, согласно толкованию Павского, говорится об избавлении еврейского народа, а вовсе не о "пришествии Христа", и пророчество из Йозеля, в котором "пророк в восторге предрекает иудеям Божье благословение, а всем врагам их гибель" – вопреки новозаветному толкованию об "излиянии святого духа на апостолов".

За подобные взгляды Павский был осужден церковным судом. После длительных допросов он покаялся, "признав" свои ошибки, а экземпляры его перевода было предписано "разыскивать и изымать" по всем епархиям, а также "принять надлежащие меры, чтобы означенный перевод не имел пагубного действия на понятия воспитанников духовных учебных заведений". Все это должно было делаться в строжайшей тайне, без огласки. Синод православной церкви хорошо сознавал, с каким взрывчатым материалом он имеет дело.

Глава 3

ХРИСТИАНСТВО И ПРОБЛЕМА ИДОЛОПОКЛОНСТВА

1. Психологические аспекты неприятия евреями концепции "богочеловека"

Выше мы говорили о том, почему евреи не могут согласиться с христианской концепцией Иисуса как Мессии. Однако не

вопрос о Мессии, а вопрос о "богочеловеке" является проблемой, наиболее радикально разделяющей иудаизм и христианство и делающей христианство совершенно неприемлемым для евреев. Поклонение Иисусу Христу как "Богу в образе человека", само объявление Иисуса тождественным Богу вызывает у евреев категорическое неприятие. Здесь мы хотели бы рассмотреть сначала психологические, а затем теологические аспекты этой проблемы.

Иудаизму свойственно представление о величии человека – самого совершенного из творений Всевышнего, создавшего человека по Своему образу и подобию. Человек неизмеримо выше всех остальных творений, ибо только он наделен Божественной душой, внутри которой сияет "Божественная искра", непосредственно связанная с Творцом. Тора называет человека (всякого человека!) "сыном Божьим", подчеркивая его особую близость к Творцу. Человек должен стараться увеличить эту близость, подражая Всевышнему в своих делах ("Будь милосерден, ибо Он милосерден; будь свят, ибо Он свят"). Более того, на человека возложена обязанность быть как бы со-Творцом мироздания. Согласно учению иудаизма, Всевышний создал мир "незавершенным" – для того, чтобы человек мог, выполняя свое Божественное предназначение, исправить этот мир и завершить Творение, заслужив Спасение как награду за этот труд.

И при всем этом неизмеримая пропасть лежит между Творцом и Его творением, между Богом и человеком. Связь Всевышнего с миром, Божественное воздействие и руководство мирозданием осуществляется как трансцендентно ("извне мира"), так и имманентно ("изнутри мира"); но все эти проявления Бога в мире (т.е. проявления Его "Воли", которые мы могли бы попытаться описать) – являются лишь проявлениями и признаками, но никак не Им Самим. Нам не дано "описать" Самого Бога в словах – потому что любой язык приспособлен к явлениям и категориям этого мира и не может "ухватить" Его абсолютности и трансцендентности. Любая попытка "представить" Бога в каком бы то ни было образе, "воплотить" Его в каком бы то ни было существе является, с точки зрения иудаизма, примитивизацией Божественности и граничит с идолопоклонством.

Ощущение непреодолимой дистанции между Богом и человеком не должно приводить нас в отчаяние – напротив, оно позитивно и конструктивно. Сознание, что Он неизмеримо

выше человека, является источником возвышенного трепета перед Богом; в то же время сознание того, что человек может – и даже обязан – установить через эту пропасть непосредственную и прямую связь со своим Творцом возвышает человека и является проявлением Его любви к Своему созданию. Если Бог хочет, чтобы я предстоял перед Ним без всяких посредников, то это свидетельствует о моих возможностях, о моем собственном величии. А кто велик – с того много и спросится; и потому в этом прямом предстоянии перед Богом – источник моей ответственности перед Ним и созданным Им миром.

Для того, чтобы мы осознали меру этой ответственности, Тора заповедует нам обращаться непосредственно к Творцу вселенной – и только к Нему – в своих молитвах и просьбах. Бог добр – но не всепрощающ. Он наделил человека огромными возможностями и потому требует от человека реализации этого потенциала, а за пренебрежение человеком своими возможностями – карает. Человек, предстоящий перед Создателем и Хозяином мироздания, должен знать, что Его невозможно ни задобрить, ни подкупить, – поэтому, обращаясь к Нему с молитвой и просьбой, нужно сначала ответить самому себе на вопрос, поступаешь ли ты сам достаточно ответственно с тем потенциалом, который Он тебе предоставил; реализуешь ли ты сам свою ответственность по отношению к Богу и сотворенному Им миру. Такова психологическая основа строгого еврейского монотеизма, не терпящего "посредников" и "сопутствующих Богу образов".

Поклонение "богочеловеку" имеет совершенно иную психологическую природу. Для того, кто обращается в молитве к "Богу в человеческом образе", Бог предстает более "человечным", более доступным и снисходительным к человеческой слабости и ограниченности. В сознании христианина Иисус – это "заступник" за человека перед Богом-Творцом, покровитель "нашего несовершенного мира". Так смягчается экзистенциальное напряжение контакта между Творцом и творением, снижается сознание неизмеримой личной ответственности.

Психологической основой концепции "богочеловека" является понижение уровня ответственности. Фигура "богочеловека" необходима для христианина именно потому, что Бог-Творец представляется ему слишком строгим, слишком требовательным к моральному и духовному уровню самого молящегося.

Сходную психологическую атмосферу создает идолопоклон-

ство, представляющее собой обращение к посредникам между человеком и Творцом вместо прямого обращения к Нему. Идол-посредник более "снисходителен" к человеку, его легче "задобрить", чтобы уже он – а не я сам – обращался ко Всевышнему с просьбами за меня.

Иудаизм – это подход к миру, базирующийся на ответственности человека за Творение. Поэтому концепция "богочеловека", доходящая до представления о "посредничестве" Иисуса между миром и Богом, психологически неприемлема для еврея, который обращается к Богу напрямую и ведет с Ним прямой диалог.

2. Уровень монотеизма – для евреев и для неевреев

Тора – Божественное Откровение – обращена не только к евреям, но ко всему человечеству. Тора не призывает неевреев переходить в еврейскую религию, но налагает и на них ряд обязательств, на которых построена общечеловеческая этика. Для всех людей обязательны законы, включающие требования справедливости судебной системы и запрещающие убийство, воровство, прелюбодеяние, а также богохульство и идолопоклонство. Любой нееврей, соблюдающий эти законы, может, согласно представлениям иудаизма, удостоиться "удела в Мире Грядущем".

Тора налагает строжайший запрет на идолопоклонство, считая его одним из самых тяжких грехов как для евреев, так и для неевреев. Однако уровень требований Торы к тем и к другим в этом вопросе неодинаков. От евреев – народа, которому Бог Сам открылся, от тех, кому Он передал Тору, Свое послание миру, – требуется абсолютный монотеизм. Еврей в своих отношениях со Всевышним должен искать прямую, личную связь с Творцом, без каких-либо заслоняющих или замещающих Его посредников. Требования Торы к неевреям в этом вопросе гораздо мягче. В принципе, каждый человек, будучи сотворенным по образу и подобию Творца, в состоянии установить с Ним прямую и непосредственную связь; но, тем не менее, Тора запрещает неевреям лишь явные формы идолопоклонства. Известно, что во многих религиях люди поклоняются образам, "воплощающим Всевышнего"; в иудаизме подобный тип религии называется 'шитуф' (буквально 'компаньонство', 'сопут-

ствие⁹) и рассматривается как допустимый для неевреев вид монотеизма^{*}.

Христианство с его догматом о Троице, в которой Бог-Творец "неслиянно и нераздельно" соединен с Его "человеческим воплощением – Иисусом", относится именно к этому типу религий^{**}. Большинство еврейских религиозных авторитетов признает за христианами-нееврейями статус монотеистов. Но к евреям, народу Откровения, предъявляются более строгие требования. Для них запрещены не только явные формы идолопоклонства, но и "пограничный случай" – то есть "шитуф", который рассматривается для них уже как нарушение монотеизма. Поэтому еврей-христиане, с нашей точки зрения, являются идолопоклонниками.

Если еврей перешел в христианство, продолжает ли он считаться евреем с точки зрения еврейского закона? Талмуд однозначно отвечает: "да": "Еврей-грешник остается евреем". Еврей-выкрест считается, конечно, преступником (существует обычай, по которому в случае крещения близкие родственники выкреста совершают некоторые траурные обряды, как будто этот человек умер), но он все же продолжает оставаться евреем – и именно потому несет ответственность за нарушение обязательств перед Богом, принятых на себя еврейским народом во время Синайского Откровения.

^{*} Разумеется, это не значит, что в этом смысле неевреи "ниже" или "хуже" евреев. Это значит, что, как мы уже сказали, к евреям предъявляются более строгие требования, которые проистекают из того, что существуют различия в уровне Откровения Бога евреям и другим народам мира. Ни христиане, ни мусульмане не отрицают того, что еврей первыми приняли религию монотеизма, к которой другие народы пришли только через тысячи лет. Все они согласны с тем, что еврей – единственный народ, получивший прямое Божественное Откровение. Это должно заставить нас задуматься об особой еврейской ответственности, ибо, поскольку евреям больше дано, с них больше и спрашивается.

^{**} Отметим, что в конкретных исторически сложившихся формах христианского культа элементы идолопоклонства присутствуют в гораздо более явном виде, нежели в "чистой" христианской теологии и философии. С точки зрения еврея, явным идолопоклонством является, например, поклонение "Деве Марии" ("Матушке-заступнице"), ангелам (ср. существующий в православном церковном календаре особый праздник "поклонения Михаилу архистратигу и всему воинству ангельских сил"), поклонение и молитвы святым ("свечка Николаю-чудотворцу") и т.п.

Раздел II.

ЭТИКА ИУДАИЗМА И ЭТИКА ХРИСТИАНСТВА

Глава 4

ИСКАЖЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭТИКЕ ИУДАИЗМА В ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Одной из основ христианской культуры является представление, что христианство – это принципиально новый шаг в этическом развитии человека. Ниже мы постараемся проанализировать, так ли это.

Прежде чем обсуждать различия между этикой иудаизма и этикой христианства, рассмотрим ряд моментов, в которых они сходятся.

Многие люди, воспитанные в лоне европейской культуры, знакомы с этическим учением иудаизма только по Евангелиям. Вследствие этого у них зачастую создается совершенно неверное представление как о еврейской религии в целом, так и о еврейской этике. Попробуем понять, как это происходит.

Иллюзия полемики

Высказывания Иисуса часто имеют полемический характер: он как бы опровергает известное его слушателям учение "еврейских мудрецов" и предлагает взамен новые этические концепции. Однако на самом деле многие из этих идей уже существовали и были достаточно развиты в иудаизме. Параллели к призывам Иисуса мы находим во множестве в Устной Торе, в Мишне, Талмуде^{*} и в самой еврейской Библии. Однако у

^{*} Мишна – кодекс Устного Учения, или Устной Торы, определяющий применение к жизни законов Письменной Торы. Устная Тора, передававшаяся по традиции с Синая, была оформлена в систематическое учение в

читателя, не знакомого с еврейской традицией, создается впечатление, что Иисус сказал нечто совершенно новое, прежде неизвестное. Вот только несколько характерных примеров.

В "Нагорной проповеди" Иисус говорит (Матфей 5:27-28): «Вы слышали, что сказано древним: "Не прелюбодействуй". А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Полемический характер фразы создает у читателя впечатление (на самом деле совершенно ложное), что иудаизм заботится только о "чистоте действий", а христианство – также и о "чистоте помыслов". Трудно, однако, предположить, что Иисус предлагает действительно приравнять "вожделение в сердце" к разврату и назначить за мысли о прелюбодеянии то же наказание, которое, по закону Торы, следует за распутство. Скорее он хочет усилить запрет, предостеречь людей даже от малейшего приближения к нарушению заповеди. Однако, такой подход не нов. Иисус использует здесь классический прием иудаизма, с помощью которого Учителя, образно говоря, расширяли и ограждали пространство, примыкающее к пропасти греха, чтобы люди останавливались на дальних подступах к нему. В Притчах Соломона сказано (23:26): "Дай мне, сын мой, сердце твое, и пусть глаза твои видят пути мои. Ибо глубокий ров – блудница, и тесный колодец – чужая жена". Еврейские законы запрещают мужчине не только вступать в связь с чужой женой, но и просто уединяться с ней и даже внимательно разглядывать любую часть ее тела (См.: Талмуд, трактат Шаббат 64б).

То же самое можно сказать и о другом известном высказывании Иисуса, приведенном далее в Евангелии от Матфея: «Вы слышали, что сказано древними: "Не убивай; кто же убьет, подлежит суду". А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему "пустой человек", подлежит Синедриону, а кто скажет "безумный", подлежит геенне огненной» (Матфей 5:21-22). И здесь очевидно, что Иисус не предлагает на самом деле судить того, кто гневается на брата, и не собирается в юридическом смысле при-

основном в период Второго Храма (5 в. до н.э. – 1 в. до н.э.) и частично записана (в виде Мишны и Мидрашей) в период 1-2 вв. н.э. Талмуд (200 – 500 гг. н.э.) содержит анализ и объяснение устной традиции, записанной в Мишне.

равнять гнев к убийству; он хочет лишь укрепить и усилить заповедь. При этом у человека, не знакомого с иудаизмом, создается впечатление, что запрещение гневаться – нововведение христианства, а древние иудеи знали только запрет на убийство. Однако это совершенно не так: в тексте Священного Писания и в поучениях еврейских мудрецов древности постоянно повторяются предостережения против гнева, и не только гнева напрасного (о котором говорит Иисус), но даже против гнева обоснованного. Существует также строжайший запрет на оскорбление ближнего. В Мишне сказано: "Всякий, кто позорит ближнего своего публично, теряет за это свою долю в мире грядущем" (Трактат Авот, 4). Талмуд учит: "Гнев – чрезвычайно дурное качество, и человек должен удаляться от него, насколько возможно" (Трактат Шаббат, 10б); "Всякий гневливый будет наказан: если он был мудрецом – его учение забудется" (Трактат Псахим, 113).

Еще одно из поучений Иисуса гласит: «Слышали вы, что сказано древним: "не преступай клятвы, но исполняй перед Господом клятвы твои". А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно – престол Божий; ни землею, потому что она – подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он – город великого Царя» (Матфей, 5:33-35). Это высказывание имеет полемическую форму и, казалось бы, направлено против некоего устаревшего учения; но на самом деле идея, высказанная Иисусом, хорошо известна из Устной Торы и зафиксирована в Талмуде: нужно стараться обходиться без клятв, если только это возможно. Очень подробно этот классический еврейский подход изложен в основанном на Талмуде законодательном кодексе Маймонида "Мишне Тора".

Многие из известнейших высказываний Иисуса дословно совпадают с классическими текстами иудаизма. Например, такое его поучение (Матфей, 7:1-3): "Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вас будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревно в твоём глазу не чувствуешь?". А вот его классические еврейские аналогии в Мишне: (Трактат Авот 2:4): "Не суди ближнего, пока сам не побывал в его положении"; и еще (Авот 1:6): "Основа жизни: в случае любого сомнения суди ближнего своего в лучшую сторону"; и так же в Талмуде (Бава Батра 15б): «И когда говорили: "Вынь щепку из глаза твоего", он говорил им: "Сначала вынь бревно из

глаза своего»». См. также комментарий Талмуда (Бава Батра 60б) на пророка Цефанию (2:1): "Сначала улучши себя, потом улучшай других".

Во многих случаях Иисус проповедовал не что иное, как "ветхозаветный" иудаизм, но при этом облачал свои высказывания в полемически заостренную форму, представляя как бы борцом с той самой этикой иудаизма, на которую он опирался. Быть может, однако, резкость его высказываний проистекает из желания усилить воздействие на слушателей. Вполне возможно, что сам Иисус не имел намерения дать своим слушателям искаженное представление о еврейской этике, и оно явилось лишь следствием более поздней христианской интерпретации его слов.

2. Фальсификация еврейской этики

Однако порой, споря с учением иудаизма, Евангелия, по видимому, совершенно сознательно изображают его в неверном свете. Яркий пример – знаменитое высказывание Иисуса (Матфей 5:43-44): «Вы слышали, что сказано: "люби ближнего твоего и *ненавидь врага твоего*". А я говорю вам: любите врагов ваших...» Иисус, казалось бы, цитирует здесь "Ветхий Завет", однако нигде – ни в еврейских текстах Библии, ни в высказываниях Мудрецов – мы не находим второй половины "цитируемого" Евангелием и подчеркнутого нами стиха. Про любовь к ближнему в иудаизме действительно говорится (и немало), а вот про ненависть к врагу – нет. Более того, призыв ненавидеть врага совершенно противоречит традиционному учению иудаизма. Тора осуждает вражду, месть и злобу: "Не враждуй на брата твоего в сердце твоём; не мсти и не храни злобы на сынов народа твоего, а люби ближнего своего, как самого себя" (Левит 19:17-18). А если и случилось так, что у тебя есть враг – старайся отнестись к нему с добром, и если возникли в его жизни проблемы – помоги ему их решить: "Если найдешь быка врага твоего или осла его заблудившимся – должен ты возвратить их ему. И если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, не оставляй его [врага твоего] без помощи, но развяжешь осла его вместе с ним" (Исход 23:4-5). И даже про врагов-язычников, египтян, угнетавших евреев сотни лет, талмудический мидраш говорит: «Когда египтяне, погнавшиеся за евреями, тонули в море, ангелы-служители хотели петь хвалебную песнь справедливости Творца. Но Всевышний сказал им: "Как!

Мои создания тонут в море, а вы хотите петь хвалебную песнь?!»^{*} Здесь мы видим не только отсутствие "ненависти к врагам", но и прямое осуждение тех, кто радуется гибели врага.

Другим примером сознательно неверного изображения иудаизма является широко известное высказывание Иисуса, приведенное в Евангелии от Матфея (5:38-39): «Вы слышали, что сказано: "око за око, зуб за зуб". А я говорю вам: не противься злumu. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». В этом стихе новая христианская этика решительно противопоставлена "старой", иудейской.

Надо сказать, что у очень многих людей представление о христианстве и иудаизме сформировалось именно под влиянием этого стиха. Библейское положение "око за око, зуб за зуб" в евангельской интерпретации должно свидетельствовать о жестокости, непримиримости, мстительности, которые якобы заложены в основе иудейской этики, в отличие от христианства – "учения любви и милосердия". Именно так воспринимают еврейскую религию те, кто знаком с ней лишь по полемическим текстам из Нового Завета**.

Но правда ли, что библейский стих "око за око, зуб за зуб" содержит в себе призыв к "неистовому мщению"? Ведь мы только что привели другой библейский стих, в котором со всей определенностью сказано: "Не враждуй на брата своего в сердце твоём... не мсти и не храни злобы" (Левит, 19:17-18). Выражение "око за око, зуб за зуб" употреблено в Пятикнижии несколько раз, и всегда – в контексте уголовного законодательства (в том числе применительно к имущественным тяжбам), из которого совершенно ясно, что речь идет не о мести, а о соответствии меры воздаяния тяжести преступления. Талмуд говорит, что принцип "око за око" является земным аналогом Божественного суда, воздающего "меру за меру". Однако в суде земном принцип "око за око" понимается не как мера наказания, а как

* Более подробно вопрос "любви к врагам" и "непротивления злу насильем" рассматривается ниже, в главе 6.

** К сожалению, тут не составляю исключения и евреи, вполне культурные по европейским меркам, но совершенно несведущие в собственной культуре. Вот только один пример: письмо известного русского историка, покойного Н.Эйделямана, еврея, русскому писателю-антисемиту В. Астафьеву. Эйделяман упрекал своего оппонента в том, что тот выступает "не как благостный христианин, а как неистовый – око за око! – иудей".

мера возмещения; его функция – скрупулезное определение ущерба, который должен быть возмещен пострадавшему. На основании принципа "око за око" еврейский закон постановляет, что "тот, кто выбил другому глаз, должен этот глаз возместить"; понятно, что виновник не в силах восстановить глаз потерпевшего, но он может дать ему определенную компенсацию: оплатить лечение, простой в работе, возместить возможную потерю заработка вследствие увечья, компенсировать "моральный ущерб" и т.п. Тот же принцип действует по отношению и к другим случаям телесных повреждений. Таким образом, принцип "око за око", во-первых, говорит не об отмщении, а о возмещении; и, во-вторых, противопоставление его принципу "не противься злему" не имеет никакого смысла: здесь идет речь о совершенно разных вещах – юридическом определении и моральном призыве. Противопоставляя их, Евангелие сознательно дает своему читателю искаженное представление об иудаизме.

Следует отметить, что в христианстве во все времена существовала тенденция изображать иудаизм как жестокую, неистовую "религию мщения". Эта фальсификация была призвана морально оправдать чудовищные гонения, которым подвергались евреи в христианских странах в течение двух тысяч лет. В действительности иудаизм всегда учил милосердию и терпимости: это известно любому, кто знаком с подлинной еврейской традицией. Важнейшее теологическое положение иудаизма гласит: "Без милосердия мир не мог бы устоять" (Мидраш Берешит Раба). Талмуд предписывает проявлять уступчивость и прощать своих ближних, во всех возможных случаях стремиться к компромиссу, уступать и не настаивать на реализации всех своих возможных прав (см., например, трактат Бава Меция 30б).

Приведем лишь несколько примеров подобной этической установки: «Начало ссоры – прорыв воды; останови ее прежде, чем разольется она» (Притчи Соломона, 17:14). «Мудрец честен и надежен в делах. "Да" у него всегда "да", а "нет" – "нет"». С себя взыскивает с точностью, а другим прощает... Если другие

*Ср. аналогичный текст в Евангелии от Матфея (5:37), где это также изображено как совершенно новая, революционная идея.

задолжали ему по суду – продлевает срок отдачи долга и прощает его, жалеет и одалживает... Общее правило: будь всегда среди преследуемых, а не среди преследователей, среди обижаемых, а не обижающих. Про того, кто следует этому, сказано в Торе: "Ты раб Мой, Израиль, которым буду гордиться"» (Маймонид, Гилхот Деот, 5:13. Ср.: Талмуд, трактат Бава Кама 93, трактат Йома 20, трактат Гитин 36).

Глава 5 "ВЕРА" ИЛИ "ДЕЛА"?

1. Различия в системах приоритетов

После того, как в предыдущей главе мы рассмотрели некоторые этические принципы, общие для иудаизма и христианства, перейдем к рассмотрению различий между ними. Понятно, что глубокое теологическое несоответствие между иудаизмом и христианством проявляется не только в области религиозной философии, но также и во всем мироощущении человека, принадлежащего к той или иной религиозной культуре, в его экзистенциальной и этической установках. Один из главных вопросов, в которых расходятся эти две религии, вопрос о том, что имеет для Бога (и, соответственно, для человека и для мироздания в целом) большее значение: вера людей или их поступки. В связи с этим мы наблюдаем существенное различие в соотношении между "верой" и "делами" в системах моральных приоритетов, сложившихся в христианской и еврейской культурах.

Конечно, и в той и в другой религии идеалом является человек, который соединяет глубокую религиозную веру с правильными и достойными делами. Но этого идеала в жизни удастся достичь далеко не каждому и далеко не во всех ситуациях. Поэтому приходится поставить вопрос: что важнее для религиозного человека: "правильная вера" или "правильные дела"? Какой области своего существования человек должен уделить первостепенное внимание? На что должны ориентировать народ его духовные наставники?

От ответа на этот вопрос зависят как те этические принципы (в существовании которых человек, возможно, и не отдает себе

отчета), по которым строят обычные люди свою повседневную жизнь, так и тот выбор, который совершает человек в кризисной, экстремальной ситуации.

Иудаизм утверждает, что для Всевышнего поступки людей важнее, чем их вера. Талмуд, основываясь на словах пророка Иеремии (16:11), подчеркивает: "В крайнем случае пусть лучше евреи оставят Меня], но будут верны Моим законам". Именно дела, а не вера сама по себе, являются в конце концов главным критерием, по которому оценивается человек; эта мысль проходит в иудаизме через века и пространства, захватывая все религиозные направления – от самых реформистских до самых ортодоксальных. В любой синагоге будут говорить о правильности дел. В одной будут призывать к более активной общественной деятельности прихожан, в другой больше будут говорить о помощи ближнему, в третьей – подчеркивать важность заповедей: пунктуального соблюдения Субботы или правильного поведения в семье. Но вы нигде не услышите раввина, который бы проповедовал "спасение души посредством веры" – тему, постоянно повторяемую в христианских проповедях и являющуюся краеугольным камнем для христианской доктрины. Конечно, и в синагоге раввин будет говорить о вере – но не как о самодовлеющей ценности, а скорее как о внутренней силе, вдохновляющей людей на действия в соответствии с Законом Торы. Иудаизм оценивает человека прежде всего по его делам, христианство – прежде всего по его вере.

2. Разрыв с этикой иудаизма в концепции апостола Павла

Согласно иудаизму, первостепенный долг человека – привести свое поведение в соответствие с библейскими заповедями и законами. Христиане, поначалу соблюдавшие большинство еврейских законов, со временем предали их забвению, и в центре внимания их религии оказалась вера как таковая. Этот процесс постепенного смещения религии в сторону веры хорошо виден в Новом Завете. Проследивая в нем развитие христианской концепции, мы видим, что главенство веры над действием было позднейшим наслоением. Иисус говорит своим ученикам: "Я пришел не для того, чтобы отменить Закон [Тору] или Пророков ... Истинно говорю вам: пока существуют земля и небо, ни одна буква не исчезнет из Закона...". В том же месте

Иисус декларирует обязательность соблюдения еврейского Закона: "Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царствии Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном..." (Евангелие от Матфея 5:17-19). После смерти Иисуса его ученики продолжали проповедовать соблюдение еврейских законов. Например, они соблюдали закон об обрезании (Деяния 15:1) и настаивали на том, что соблюдение его необходимо всем: "Пока не будете обрезаны сами по Моисееву закону, не будете спасены" (Послание к Галатам 2:12).

Но достаточно скоро, и в особенности тогда, когда новая религия приобретает популярность среди неевреев – людей, по происхождению и воспитанию далеких от иудаизма, – в христианстве начинает доминировать другое веяние, идеологом которого, согласно Новому Завету, является апостол Павел из Тарсиса.

Павел выдвинул новую концепцию, которая дала легитимацию отказу от соблюдения Закона.

Логика, которой оперировал Павел, такова: прежде всего он стал утверждать, что в иудаизме несоблюдение даже одной заповеди Торы навлекает на человека "проклятие", подтверждая свои слова ссылкой на стих из Второзакония (27:26), который он цитирует так: "Проклят всякий, кто не исполняет постоянно всего, что написано в Книге Закона" (Послание к Галатам 3:10)^{*}. Но, продолжает Павел, человек, будучи существом несовершенным и слабым, не может не грешить и не нарушать Закон: "... Ибо, если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона" (Послание к Галатам 3:21). Отсюда, по мнению Павла, следует, что человек уже заведомо проклят Законом: "А все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою [т.е. на них распространя-

^{*} В цитируемом Павлом отрывке Торы на самом деле имеется в виду проклятие (т. е. наказание с Неба) за некоторые, особо тяжелые нарушения Закона, причем в таких ситуациях, когда человеческий суд не может исправить положение, например: "убивший ближнего своего в тайном месте" или "притесняющий сироту и вдову" (т. е. тех, кто не может постоять за себя сам) и т. п. Однако даже и в таких случаях о "вечном проклятии" речь не идет: почти всякий грех, при желании, можно, с помощью исправления своего поведения и раскаяния, загладить или искупить в рамках Закона.

ется проклятие]” (Послание к Галатам 3:10). Чтобы спастись от проклятия, человек должен быть “спасен от Закона”, и для избавления ему предлагается единственный путь – искупление грехов через веру в Иисуса: “Христос искупил нас от проклятия Закона...” (Послание к Галатам 3:13). Завершающая формулировка доктрины Павла такова: “Мы признаем, что человек оправдывается перед Богом только верою [в Иисуса], независимо от дел Закона” (Послание к Римлянам 3:28)*.

Сформулированная Павлом идеология христианства означала полный и окончательный разрыв с иудаизмом. Все, что Павел говорит о “Законе”, очень далеко от иудаизма и в сущности представляет собой злую карикатуру на него, – и однако именно нарисованная Павлом искаженная картина еврейского учения, в котором нарушитель мельчайшей буквы Закона якобы проклят навеки, остается в Новом Завете и закрепляется в христианской культуре.

Конечно, утверждение Павла о том, что человек якобы “проклят Богом за нарушение любого закона”, совершенно чуждо иудаизму. Наша религия не могла бы в течение тысяч лет организовывать жизнь общества (вначале – государства, а затем – еврейских общин в изгнании), если бы не признавала, что живой, реальный человек в состоянии поддаться слабости и преступить Закон. За сотни лет до Павла еврейским пророком было сказано, что “нет человека праведного на земле, который делал бы только добро и не грешил бы” (Екклесиаст 7:20). Это относится как к отдельным людям, так и ко всему народу. Библия говорит о том, что даже величайшие праведники, такие, как Моисей и Давид, в определенных ситуациях не могли совладать с собой и совершали грех, но затем раскаивались и возвращались в лоно Закона и заповедей Божьих, после чего к ним возвращались Божественная благодать и пророческий дар.

* Идея о том, что именно вере принадлежит центральная роль в Божественном спасении души, принята всеми ветвями христианства. Например, основатель протестантской церкви Мартин Лютер утверждал, что одной веры достаточно для “спасения”: ни добрые дела, ни даже религиозные таинства (занимающие одно из центральных мест в католицизме) не обратят, чтобы быть хорошим христианином. В брошюре “О христианской свободе”, изданной в 1520 г., Лютер пишет: “Превыше всего запомните то, что я сказал: только вера одна, а не добрые дела, – оправдывает, освобождает и спасает”.

В еврейской Библии нет и речи об их "вечном проклятии" за нарушение той или иной заповеди Закона (как это следовало бы из концепции Павла).

Безусловно, иудаизм ни в коем случае не желает, чтобы люди нарушали законы Торы. Но тот, кто оступился, всегда может раскаяться и вернуться к Богу на путях 'тшувы'. Буквальное значение ивритского слова 'тшува', которое обычно переводят как 'раскаяние', – это 'возвращение'. Еврейская 'тшува' состоит из четырех частей, или шагов: нарушитель заповеди должен осознать свой грех; он должен испытывать искреннее раскаяние и угрызения совести; он должен постараться исправить последствия греха, и, наконец, он должен принять сознательное и твердое решение вернуться в лоно закона и соблюдать его впредь. Полная 'тшува' искупает грех и возвращает человека к Богу: это путь, по которому оступившийся человек может исполнить Закон и прийти к святости. Павел как бы отменяет все эти моменты: в его представлении еврейский

* В древности у евреев существовал еще один, последний, пятый шаг на пути раскаяния: жертвоприношение. Но он возможен только тогда, когда существует Храм; в наше время жертвоприношения невозможны. Согласно еврейскому закону, человек, который физически не в состоянии выполнить ту или иную заповедь, освобождается от нее: Бог не "наказывает" за ее невыполнение. Еще в эпоху Храма пророки предсказывали, что настанут времена, когда Храм будет разрушен, и тогда жертвоприношения будут заменены молитвами. В Библии это выражено в словах пророка Хошеа (Осии): "Возьмите с собою молитвенные слова и обратитесь к Господу; говорите Ему: Отними всякое беззаконие и прими во благо, и мы принесем жертву уст наших вместо тельцов" (стих 14:3). Таким образом, вместо традиционного тельца "жертвоприношением" будет считаться искренняя молитва Богу. Об этом же говорится и в Книге Притч Соломоновых (21:3): "Соблюдение правды и правосудия более угодно Богу, нежели жертва". Пророк Иона упоминает о том, что Господь простил жителей Ниневии, когда те раскаялись в грехах своих, хотя они и не принесли никакого жертвоприношения Богу. (См. и другие случаи, когда возвращение и раскаяние было принято без жертвоприношений: Левит 26:40, Второзаконие 4:29, Иеремия 10:20, Иехезкиэль 22:15). Христиане утверждают, что Бог не может простить людей без жертвоприношения; но Храма сегодня нет, и вот – "смерть Иисуса стала этим необходимым жертвоприношением за всех людей на все времена". Но это их утверждение свидетельствует только о глубочайшем непонимании самого смысла жертвоприношений в иудаизме и не имеет ничего общего ни с духом, ни с буквой еврейской Библии.

Закон грозен, неумолим и непрощающ; вот почему он выставляет "веру" в качестве спасения от своей карикатуры на Закон.

Утверждение, что Бог предаёт проклятию людей, которых Он Сам же создал несовершенными, предполагает в Нем весьма жестокие склонности, что, однако, находится в полном соответствии с созданной Павлом карикатурой на библейский Закон. Именно эта карикатура лежит в основе распространённого мифа о том, что Бог евреев якобы мстителен и жесток, в то время как Бог Нового Завета, Бог христиан – добр, любящ и благостен.

В результате победы в христианстве концепции Павла миллионы христиан по сей день убеждены, что для Бога поведение и поступки людей менее важны, нежели их убеждения и вера. Вот почему в истории христианства бывали эпохи, когда людей (даже праведных и добрых) жестоко преследовали только за их убеждения или за отклонение от догматов веры. На "примате веры над делами" в течение веков основывались такие печальные явления, как инквизиция ("суд веры"), насильственное крещение под страхом смерти ("чтобы человек, пусть даже насильно, был обращен в 'правильную веру' и таким образом спасен"), физическое (иногда даже поголовное) уничтожение еретиков во время "религиозных войн" и т. п. В истории иудаизма никогда не было насилия над еретиками из-за вопросов веры; Саадия-Гаон, например, мог вести очень резкую полемику с караимами (еретическое движение в иудаизме в 8-10 веках), но никогда и речи не было о том, что следует бороться с ними путем физического уничтожения.

Из "примата веры над делами" происходит принципиальная разница между иудаизмом и христианством в подходе к иноверцам. Извне может показаться, что христианская религия, основанная на знаменитых словах Христа "для меня нет эллина и иудея", является более "демократичной" и "плюралистической", чем иудаизм – религия одного народа, потомков Авраама. На самом деле все наоборот: "нет эллина и иудея" среди тех, кто пришел к Иисусу; те же, кто не верит в него, будь они даже добрыми и человеческими, лишены, с точки зрения христиан, надежды на спасение. Иудаизм же, как мы уже говорили, не требует от всего человечества принятия своих теологических концепций; напротив, достойные люди – "праведники народов мира", то есть те, кто исполняет основные общечеловеческие

нравственные заповеди и не запятнал себя грубым идолопоклонством, – достойны спасения за свои добрые дела, даже если они верят в Единого Бога по-своему, а не так, как мы. Вот почему в иудаизме нет и не может быть миссионерства; по той же причине миссионерская пропаганда с логической необходимостью вытекает из теологии христианства. Источник этого принципиального различия между религиями сформулирован Павлом, говорившим, что "если добрыми делами можно достигнуть спасения, то нет тогда никакого смысла в распятии Христа. Христос, следовательно, пожертвовал своей жизнью напрасну" (Послание к Галатам 2:21).

3. Дополнение.

ХРИСТИАНСКИЙ ТЕЗИС О "ПРИМАТЕ ВЕРЫ" И БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Для того, чтобы обосновать примат веры над действием, христиане приводят обычно две цитаты из еврейской Библии, из которых якобы можно заключить, что уже пророки Ветхого Завета ставили веру на первое место. Разберем эти цитаты.

В "Послании к Галатам" (3:12) Павел приводит цитату из пророка Хаббакука (Аввакума): "Праведник верой своей жив будет" (стих 2:4) – как оправдание своей концепции о приоритете веры. Что касается еврейской традиции, то она также придает большое значение этим словам пророка. В Талмуде (трактат Макот 24а) сказано, что эти слова можно даже считать краткой формулировкой всего иудаизма. Однако в словах пророка речь идет отнюдь не о том, что вера может заменить соблюдение Закона. "Праведник" у пророка – это именно праведный человек, то есть тот, кто соблюдает Закон и старается действовать в соответствии с Божественными заповедями. Такой человек получает от своей веры внутреннюю силу для праведной жизни, он жив ею. Вера здесь выступает как источник праведных дел, а отнюдь не как их заменитель.

Второй источник, который охотно цитируют христиане, – диалог между Богом и Авраамом (Бытие, гл. 15). Когда Авраам и его жена Сара были уже стары и у них не было детей, то на слова Бога "Награда твоя весьма велика" Авраам ответил: "Господь Всевышний! Что же Ты дашь мне? Ведь Ты не дал мне потомства..." И когда Бог говорит Аврааму, что многочисленным, как звезды на небе, будет потомство его, то "и поверил

Авраам Господу, и вменилось ему это в праведность” (Бытие 15:6). Павел (Послание к Галатам 3:6) приводит эту цитату как обоснование тезиса о ”спасении и праведности через веру, а не через дела”. Однако ситуация, в которой происходит этот диалог, не оставляет никакой возможности для подобного вывода. Ведь собеседник Всевышнего, Авраам – человек выдающийся, уже подтвердивший свою праведность великими деяниями. Несомненно также и то, что еще до этого Откровения Авраам верил в Единого Бога: ведь это не первый его диалог со Всевышним. Здесь говорится о том, что в сложной ситуации, когда Божественное обещание, казалось бы, не согласуется с естественным ходом вещей, одним из элементов праведности является доверие, способность положиться на Бога. Именно таков смысл стиха ”и поверил Авраам Господу”: не ’принял решение верить в Него’, а ’решил положиться на Божественное управление миром’. Это доверие, конечно, является одним из элементов праведности, но оно отнюдь не есть замена соблюдения Закона и праведных дел.

Глава 6

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРЕЙСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКОЙ

Выше мы обсудили очевидные, лежащие на поверхности аспекты соотношения еврейской и христианской этики. В четвертой главе рассматривались их совпадающие элементы, и было показано, что видимость различия или ”прогресса” является всего лишь результатом неправильного изображения еврейской этики в христианских источниках; а затем пятая глава была посвящена тому, что действительно составляет очевидную пропасть между иудаизмом и христианством. В данной же главе мы рассмотрим некоторые более сложные аспекты: то, что является одновременно и общим, и различным; вопросы, выявляющие довольно тонкие – но весьма и весьма существенные! – различия между еврейской и христианской системами этических ценностей.

1. Еврейская "любовь к ближнему" и христианская "любовь даже к врагам" – в чем они различаются на самом деле

Поверхностный читатель еврейских и христианских текстов решит (и именно такая точка зрения закрепилась в европейской массовой культуре), что еврейская религия требует только "любви к ближнему", а христианская говорит о "любви ко всем людям, и даже к врагам". Это распространенное представление, однако, далеко не верно.

Не будем останавливаться здесь на том, что для христианина "любовь к врагам" предписывается только по отношению к его личным врагам, в то время как по отношению к "врагам Христовым" предписывается борьба вплоть до полного их уничтожения. Сконцентрируемся на том, что думает о "любви к врагам" иудаизм.

Прежде всего отметим, что совершенно неверно считать, что иудаизм предписывает любовь только по отношению к евреям. На самом деле и в еврейской Библии, и в Талмуде, и в высказываниях Мудрецов более поздних поколений неоднократно говорится о единстве человечества, о том, что всякий человек создан по образу и подобию Бога, о любви ко всему человечеству. Идеалом именно такой, универсальной любви является в иудаизме наш праотец Авраам – уже из этого видно, насколько важное место в иудаизме занимает "любовь ко всему человечеству".

Однако иудаизм категорически настаивает на том, что любовь к человечеству должна быть не "однородной", но "градуированной", иерархической. Иудаизм предписывает любить ближних больше, чем дальних. Следует любить свою семью больше, чем других людей вокруг, а свой народ – больше, чем другие народы. Да, надо стараться помогать всем, но в первую очередь – тем, кто ближе. Подобный подход – это отнюдь не прагматическое правило, но моральный императив. Человек, который любит свою семью в той же степени, как и всех других вокруг, – поступает недостойно. И точно так же весьма далека от моральной позиция, которая предлагает относиться одинаково ко всему человечеству и любить свой народ не более остальных.

Более того: предложение "не различать эллина и иудея", любить всех одинаково – в абсолютном большинстве случаев,

даже у моральных и достойных людей, – оборачивается на практике в лучшем случае общими декларациями, а не реальной деятельной любовью.

Иудаизм учит человека строить свою любовь к окружающему миру иерархически; и, начиная от любви к себе и своей семье, постепенно расширять свою любовь до рамок своей общины, своего народа, всего человечества, всех живых существ, всего мира.

При этом иудаизм делает четкое различие между "обязательным уровнем" и "идеалом для праведников". Обязательным уровнем любви к ближнему – т. е. еврейской Библейской заповедью – является любовь к каждому еврею, к еврейскому народу. Идеалом же для праведника, согласно иудаизму, является расширение рамок любви на весь мир (с сохранением иерархии!).

Когда человек прикладывает усилия для того, чтобы улучшить свой дом, то это имеет гораздо больше шансов на успех, чем попытки влезать со своими улучшениями в дом соседа. В своем доме я по крайней мере знаю свои вкусы, и остается лишь вопрос, насколько я смогу добиться, чтобы обстановка в доме соответствовала этим вкусам. Но если я, исходя из принципа "равной любви ко всем", буду переустраивать дом соседа по своим вкусам, то, боюсь, это не приведет к добру. Народы отличаются один от другого прежде всего не языком или местом проживания, а – и это главное! – своими "вкусами", т. е. своей ментальностью, тем, что называют национальной душой.

Общность ментальности означает, что в целом у большинства представителей данного народа совпадает идеал, совпадает представление о том, как должна быть в конце концов правильно устроена жизнь; разные же движения и партии внутри одного народа различаются тем, что они предлагают разную стратегию для достижения этого идеала. Но что касается разных народов – идеал "правильной жизни" может быть у них абсолютно разным, и поэтому основанные на "равной любви ко всем" попытки навязать другому народу свои концепции могут привести к самым отрицательным результатам.

Иудаизм обязывает евреев любить прежде всего свой народ, причем любовь эта должна быть деятельной. Мы обязаны улучшать собственный национальный дом – другие же народы

пусть, если хотят, учатся на нашем примере и сами, как могут, улучшают свои национальные дома. И этот уровень – любовь к собственному народу – является не только реально достижимым, но и конструктивным, он позволяет строить морально более продвинутое общество. Попытка же "любить равно все человечество" приводит – и при этом лучших, желающих человечеству счастья людей! – к неизбежным попыткам навязать соседу свое понимание жизни. Поэтому обратной стороной христианской "равной любви ко всему человечеству" неизбежно является агрессивное миссионерство с разной степенью насилия, начиная от принуждения евреев слушать христианские проповеди и кончая инквизицией и крещением под угрозой смерти. Это агрессивное миссионерство является постоянным историческим спутником христианства не случайно не потому, что "христианство хорошо, но сами христиане недостаточно хороши" (подобный довод мы слышали 20 лет назад и от защитников марксизма), а потому, что принципы эти заложены в самой христианской концепции.

Что же касается непосредственно христианского призыва "любить врагов", то, с точки зрения иудаизма, здесь все определяется иерархией этой любви. Категорическим моральным требованием иудаизма является обязанность человека активными действиями защищать гонимых и обижаемых; Тора (Левит 19:16) формулирует эту заповедь так: "Не стой над кровью брата твоего" – т. е. не будь безучастен, когда проливается кровь ближнего. Защита преследуемых необходима не только потому, что мы хотим сделать благо преследуемым, но и потому, что без такой защиты мир будет деструктивен, придет в состояние хаоса, и добро будет уничтожено. Тем самым, согласно мнению иудаизма, защита преследуемых имеет не только сиюминутную прагматическую, но и глобальную, религиозную ценность. Эта обязанность защищать преследуемых касается и себя самого: в случае, когда враг нападает на меня, я обязан защищаться.

Поэтому в вопросе о "любви к врагам", мы можем сформулировать еврейский подход так: если человек активно противостоит врагу, но при этом у него хватает душевных сил, продолжая воевать, любить "высшую духовную составляющую" его врага – то это не только допустимо, но и является идеалом для праведных людей. (Как уже отмечалось выше, это ни в коем случае не является требованием ко всем обычным людям, от

которых требуется только не ненавидеть врага.) Но если иерархия любви нарушена, и человек любит своего врага больше, чем он любит себя самого; если человек любит врагов своего народа больше, чем он любит собственно свой народ – то это мазохизм, осуждаемый иудаизмом. Такой мазохизм деструктивен, и он не только не ведет мир к добру, но, напротив, ведет мир к власти безнаказанного зла.

И здесь мы уже фактически перешли к обсуждению следующего важного принципа христианства, а именно

2. Принцип "непротивления злу насилем"

Одним из известнейших принципов христианской этики является "непротивление злу насилем". Иисус формулирует его следующим образом: "Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, подставь ему и другую..." (Евангелие от Матфея 5:39).

Всякий духовно продвинутый человек ощущает, конечно, что принцип "подставь ему и другую щеку" содержит некоторую искру истины. Принцип "непротивления злу насилем" звучит особенно притягательно для людей высокоморальных, зачастую склонных к "самоедству", к признанию своих грехов еще до того, как их обвинят. Но попытка перевести этот призыв в плоскость действия, в плоскость заповеди – немедленно вызывает острые сомнения в его истинной моральной ценности. Все мы знаем, что случаются, и нередко, ситуации, когда человек, причинив зло другому, подсознательно стремится искупить и преодолеть свой грех. В таком случае демонстративный отказ от наказания может пробудить в нем муки совести и подтолкнет его на путь раскаяния. Однако, к сожалению, вряд ли можно считать эту ситуацию универсальной моделью поведения людей. Гораздо чаще реализуется другой вариант развития событий: преступник, не встретив отпора, распоясывается еще больше и становится все более опасным. Именно поэтому наши мудрецы учили: "Кто милостив к злодеям – тот тем самым жесток к праведникам". Отнюдь не всякая декларация милосердия приводит к истинному милосердию.

Однако, категорически отрицая "подставление второй щеки" в практической области, иудаизм вовсе не считает эту

концепцию бессмысленной. Мы будем удивлены, узнав, что слова о "подставлении щеки" вовсе не являются "совершенно новой христианской идеей" – они взяты из классического еврейского источника. Слова Иисуса являются парафразой жившего за 500 лет до него пророка Иереми. Описывая разрушение Храма и еврейского государства, описывая свой плач на развалинах города Иерусалима, пророк говорит: "Благо тому, кто молча ждет спасения Господня. Благо мужу, несущему бремя в юности своей. Пусть одиноко и молча сидит он, ибо Бог возложил на него это бремя. Пусть подставит он щеку бьющему его, пусть насытится позором, ибо не покидает Господь навеки; ибо если и опечалит Он, то и помилует по великому милосердию Своему" (Плач Иереми 3:26-33).

Глубокая разница между еврейским и христианским подходами, однако, в том, что в проповеди Иисуса "подставить другую щеку" предлагается в качестве одного из центральных этических принципов, абсолютного идеала поведения на все случаи жизни – в то время как у Иереми "подставление щеки" имеет в виду совершенно особую, специфическую ситуацию. А именно: Иереми имеет в виду ситуацию уже свершившегося поражения, когда Храм и Иерусалим уже разрушены, и речь идет теперь уже только об осознании итогов разрушения, о том, что необходимо осмысление своей вины и справедливости наказания, необходимо духовное исправление – прежде, чем мы сможем добиться внешнего, материального исправления. В терминах современной психологии можно сформулировать, что Иереми (и классический иудаизм вслед за ним) имеет здесь в виду "этическую ценность переживания" (этическую ценность типа "мое отношение к этому"), а отнюдь не "деятельную этическую ценность" (ценность типа "указание к действию").

Вообще, углубляя осознание противоречия "человек свободен в своих действиях, он имеет свободу выбора и поэтому несет ответственность за свои действия; в то же время Бог обо всем заранее знает и управляет всем в мире", – иудаизм последовательно проводит концепцию этической дихотомии (= выделения двух совершенно разных слоев) в вопросе моего отношения к поступкам окружающих меня людей. Например, некто напал на меня и нанес мне какой-то ущерб. Мое отношение к этому должно быть двояким. С одной стороны, я должен считать, что нападавший, обладая свободой воли,

выбрал зло и должен нести за это ответственность. С другой стороны, то, что Бог направил ход движения мира так, что именно я подвергся нападению, должно заставить меня задуматься – в рамках моих отношений с Богом и с миром в целом, а вовсе не в рамках моих отношений с напавшим на меня, который в данном, втором аспекте представляет собой не более чем орудие в руках Всевышнего! – в чем моя вина, в чем мои грехи, за что я наказан. В рамках этого осознания, если мои грехи действительно тяжелы – я должен “подставить бьющему щеку”, чтобы ощутить справедливость наказания, чтобы обрести силы для внутреннего исправления. В одно и то же время я должен, с одной стороны (независимо от моего осознания собственной греховности), принять все возможные меры для отражения нападения на меня и для наказания преступника, а с другой (параллельно с предпринимаемыми мною активными действиями) – проникнуться осознанием собственной вины.

Такая дихотомия ведет к исправлению души и мира, а попытки смешать две плоскости и рассматривать “подставление второй щеки” как универсальный практический нравственный идеал ведет мир к разрушению.

(Подход иудаизма к этому вопросу можно попытаться сформулировать и с несколько иной стороны: Если в обществе достигнуты основы справедливости (что является, с точки зрения иудаизма, обязательным требованием Бога к человеку), то дальше можно осторожно пробовать проводить линию поведения, основанную на “повышенном благочестии”. Но сделанная христианством попытка (хотя бы и на уровне декларативном) отказаться от установления справедливости и сконцентрироваться сразу на “повышенном благочестии” приводит не к исправлению, а к разрушению человеческого общества и личности, а это – нарушение Божественной задачи, поставленной перед человеком!)

Практически ни одна христианская община за всю историю христианства не смогла реально осуществить принцип “непротивления злу” в организации своей социальной жизни и в повседневном поведении людей. Иисус сам в своих проповедях отступал от этого подхода и провозглашал совершенно иные принципы. (См., например, в Евангелии от Матфея (10:34), где он говорит: “Не думайте, что я пришел принести мир. Не мир пришел я принести, но меч [по отношению к тем, кто отречется от меня]”).

3. Заповеди – "обязанность" или "идеал"

Выше, при обсуждении "любви ко всем людям" и "любви к ближнему", мы уже затронули этот вопрос, но нам хотелось бы выделить его еще раз, в отдельном пункте – ввиду важности его при любом обсуждении вопроса о соотношении иудаизма и христианства.

Необходимо учитывать, что при внешней схожести терминологии само понятие о том, что такое "заповедь", глубоко различно в иудаизме и христианстве. В иудаизме четко различают два разных уровня требований к поведению человека: уровень законодательно-юридической нормы, являющийся минимумом, обязательным для каждого; и уровень "благочестия" – высокого морального идеала, который желателен, но который нельзя вменить всем в обязанность. Христианство же, по сути, знает только уровень "морального идеала", и в нем именно к этому идеалу применяется термин "заповеди".

Христианство никак реально не требует (и даже не ожидает), чтобы реальные нормальные верующие христиане реализовали эти идеалы ("христианские заповеди") в своей жизни. В еврейской религиозной общине заповеди играют роль той нормы, соблюдение которой ожидается от всех, в христианском обществе заповеди играют роль "морального отдохновения", недостижимого идеала, наличие которого помогает "не погрузиться окончательно в грех", но реальное соблюдение которых – от массы верующих христиан – совершенно не ожидается.

Все ложное впечатление "этического прогресса" христианства возникает тогда, когда христианские идеалы пытаются сравнивать с еврейскими законодательными нормами, а не со значительно более высокими еврейскими идеалами.

4. Человек как "раб Бога", как "сын Бога" и как "супруг Бога"

В иудаизме выделяются три уровня взаимоотношения Бога и человека. Все эти три уровня находят многократное выражение в высказываниях Торы, еврейских пророков, еврейских мудрецов более поздних эпох. Эти три уровня человек должен последовательно пройти, осознать, подняться по ним – чтобы в конце концов достичь идеала.

Первый уровень – это отношение человека к Богу как "раба

к Господину". На этом уровне человек осознает себя как "раб Божий", подчиненный Всевышнему. Обязательность соблюдения заповедей воспринимается на этом уровне как "навязанная сверху".

Вторым уровнем, на который человек должен затем подняться, является уровень отношений человека к Богу как "сына к Отцу". На этом уровне человек – сын, любимый Всевышним, Который хочет оказать ему милость и наградить его. Обязательность соблюдения заповедей на этом уровне проистекает у человека из желания соответствовать своему высокому происхождению и положению, из желания оказаться достойным своего звания.

Но и второй уровень не является идеалом, и человек (и также народ, и все человечество) должны подниматься на третий уровень, уровень взаимоотношений "Мужа и жены". На этом уровне человек действительно приближается к Богу. Об этом уровне говорит написанная царем Соломоном "Песнь Песней", а также многочисленные высказывания как древних еврейских пророков, так и мудрецов всех последующих поколений. Ответственность сына (второй уровень) кардинально отличается от ответственности супруга (третий уровень). Сын ответственен только за себя, но не за весь дом (мир); супруги же делят ответственность за все мироздание. Необходимость соблюдения заповедей и необходимость соответствовать моральному идеалу проистекает на этом третьем уровне не из навязанной обязанности, и даже не из осознания своего величия, а из ощущения ответственности – в чем-то равной ответственности Бога! – за все окружающее мироздание. По сравнению со вторым уровнем это стадия духовного совершенствования.

Иудаизм считает, что человек должен последовательно подниматься по этим трем ступеням, продолжая опираться на них. При продвижении с первого на второй уровень человек должен "не потерять" также и первый уровень; второй уровень должен в его душе продолжать опираться на первый. И также при продвижении к третьему уровню надо сохранить для себя ощущения первого и второго уровней. В процессе духовного продвижения прежний уровень не должен показаться человеку "несущественным", "устаревшим", "примитивным". Наоборот,

он должен стать основанием, удерживающим более высокий уровень.

Две монотеистические религии, происшедшие из иудаизма – ислам и христианство, – достигли разных ступеней на этой лестнице. Ислам сосредоточен на "подчинении", на человеке как "рабе Божьем". Христианство, в этом плане более продвинутое, сфокусировано на человеке как на "сыне Божьем". И та, и другая системы мировоззрения являются, конечно, громадным прогрессом по сравнению с идолопоклонством; но обе они не достигают до осознания третьего уровня, к которому стремится иудаизм.

Таким образом, есть еще громадная духовная область, в которой иудаизм должен проложить путь этическому продвижению человечества и приблизить "исправление мира под властью Бога".

*Цитата из еврейской молитвы "Алейну" (составлена в 3 в. н. э., читается в завершение каждой службы).

Раздел III

ТЕОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА И ИУДАИЗМ

Глава 7

"МИРСКОЕ" И "ДУХОВНОЕ"

Современная европейская цивилизация построена на разделении "религиозных" и "светских" сфер человеческой жизни. В европейской цивилизации содержание религии – это прежде всего вопросы веры человека в Бога, которые рассматриваются как отделенные от "мирских", светских сфер жизни – внешней и внутренней политики, экономики и т.д. Такая структура культуры опирается на христианскую концепцию религии, сформулированную в знаменитых словах Иисуса: "Воздавайте Богу – Богово, а кесарю – кесарево". Иисус конкретно говорил о деньгах, но эта формулировка преобрела более общее значение и стала пониматься в христианской культуре как общий принцип, разделяющий мир на область духовную, находящуюся в ведении религии, и область светскую, внерелигиозную.

В иудаизме подход к этой проблеме совершенно иной. Иудаизм – это прежде всего учение о том, как следует жить (а не только о том, как следует верить), и потому ни одна сфера жизни религиозного еврея не остается вне ведения религии. Еврейские источники подробно рассматривают и обсуждают не только проблемы веры, не только вопросы культа и ритуала, но также и те вопросы, которые в европейской системе мышления воспринимаются как "светские" и не относящиеся к религии. В иудаизме существуют четкие предписания о том, в каких рамках разрешается торговать и в каких воевать, на каких принципах следует строить экономику и можно ли устраивать забастовки, и т.д. и т.п. С еврейской точки зрения, любая сторона человеческой жизни религиозно значима – и потому сотни страниц Талмуда посвящены тому, какие правила следует соблюдать при обработке земли, сборе урожая, постройке домов и

ведении торговли; детально рассматриваются, например, вопросы о том, как правильно поступить, если две тяжущиеся стороны претендуют на один и тот же предмет или сумму денег; как суд должен рассматривать те или иные финансовые или уголовные правонарушения; на каких принципах строится государство, как царь управляет народом, в каких случаях он может объявлять войну и как он может ее вести, и т.д. Размышляя над самыми разными вопросами частной или общественной жизни, религиозный еврей обращается за советом прежде всего к Талмуду и к другим религиозным источникам и зачастую находит именно там модели и способы решения современных проблем.

Эта разница в подходах является источником того недоумения, которое порой испытывает христианин, читая еврейскую религиозную литературу: с его точки зрения, многие вопросы, которые там обсуждаются, вообще выходят за рамки религии. Но все дело в том, как вообще понимать, что такое "религия". Иудаизм – это цельная система, по которой должна строиться жизнь человека, народа, государства. Таким образом, по европейско-христианским меркам иудаизм – это даже не чисто религия, а скорее "культура" или "цивилизация". Но для верующего еврея все области его жизни представляют собой сферу религии, ибо каждая из них является одним из элементов диалога человека с Богом.

Глава 8

ПРОБЛЕМА "ПЕРВОРОДНОГО ГРЕХА"

1. Первородный грех и проблема мессианства

В начале книги Бытия – книги, священной как для иудеев, так и для христиан, – рассказывается о том, как Первый Человек, Адам, совершил свой первый грех: в Саду Эденском, нарушив запрет Бога, он вкусил от плода Дерева Познания Добра и Зла. Это первое грехопадение повлекло за собой вселенскую катастрофу – изгнание первых людей из рая. И иудаизм, и христианство согласны в том, что последствия греха Адама люди несут на себе до сих пор.

История, которая произошла в Саду Эденском, ставит перед человеком множество вопросов. Что такое "Дерево Познания

Добра и Зла"? Как изменился человек после того, как съел его плод? В чем заключаются причины греха Адама? Эти важнейшие и сложнейшие вопросы подробно – и по-разному – рассматриваются и в еврейских и в христианских источниках. Мы не будем сейчас за неимением места углубляться в подробное их обсуждение. Мы рассмотрим здесь только один из этих вопросов: каковы последствия первого греха для потомков Адама – т.е. для всего человечества. Тут христианство и иудаизм принципиально расходятся в своих концепциях.

Христианство учит, что вина за грех Первого Человека – наследственная, она передается всем его потомкам: каждый человек от рождения "виноват" перед Богом уже в том, что он – человек, сын Адама. С точки зрения христианства, единственный путь освобождения и искупления этой вины за "первородный грех" дал людям Иисус: пожертвовав собой за людей, он снял с человечества великую вину. В этом, как считают христиане, и состоит смысл "первого пришествия" Иисуса на землю, его роль как Мессии, "Спасителя и Искупителя" рода человеческого.

Тут мы снова возвращаемся к проблеме, по которой кардинально расходятся христианство и иудаизм. Выше (в гл. 1 этой книги) мы уже говорили, что у идеологов христианства всегда была проблема с трактовкой мессианской роли Иисуса: как объяснить, что Иисус, вопреки тому, что предсказано библейскими пророками, не исполнил обещаний и не исправил мир, в котором продолжают существовать страдания, нищета и войны; и если он не сделал этого, то почему же люди должны считать его Мессией? Идея "первородного греха" была логически необходима первохристианам для решения этой проблемы. Христианство учит, что первый приход Иисуса только подготовил почву для исполнения библейских пророчеств (которые будут осуществлены в результате "второго пришествия") – тем, что этот приход дал человечеству возможность освободиться от наследственной вины за первородный грех. При этом освобождение от этой вины достигается только с помощью крещения – обряда, символизирующего веру в Иисуса и в единение с христианской церковью. Люди, не прошедшие этого обряда, "несут

* Католическое учение об искуплении первородного греха через крещение сформулировано, в частности, в Декретах Трентского Собора католи-

на себе вину за грех Адама” и, согласно теологии христианства, не имеют шансов на спасение, даже будучи праведниками.

Для иудаизма совершенно неприемлема христианская концепция греха Адама как универсальной ”вины”, унаследованной его потомками. С еврейской точки зрения, последствия грехопадения Адама распространяются, конечно, на его потомков. что выражается в объективных трудностях повседневной человеческой жизни (”в поте лица своего будешь есть хлеб свой”) и в проблемах внутреннего устройства личности. Вследствие греха Адама людям стало труднее жить и труднее общаться с Богом; но это не неискупимая вина, а проблема, с которой каждый человек может и должен справляться, понимая свою ответственность перед Богом за свою судьбу и за судьбу всего мира.

Сам христианский термин ”первородный грех” неприемлем для иудаизма, ибо он подразумевает, что ”от рождения” на каждом человеке лежит вина перед Богом, что каждый как бы от рождения уже грешник. Иудаизм со всей определенностью утверждает, что каждый человек, кем бы он ни был, получает от рождения чистую душу, и только от его собственного выбора зависит – сделать ее грешной и ”виновной перед Богом”, или же сделать ее праведной и чистой; спастись или погибнуть. Ежедневная утренняя молитва еврея начинается со слов: ”Бог мой! Душа, которую Ты дал мне, – чиста...”

Иудаизм учит, что человек не рождается грешником и что от рождения никто не ”порабощен грехом”. С младенчества каждый человек в равной степени расположен как к греху, так и к

ческой церкви (1545 г.): ”Поскольку грехопадение вызвало потерю праведности, владение в рабство к дьяволу и гнев Божий, и поскольку грех первородный передается по рождению, а не подражанием, – все, что имеет греховную природу, и всякий, являющийся виновным в первородном грехе, может быть искуплен крещением”. Подобную концепцию демонстрирует и Православный Богословский Энциклопедический Словарь (СПб, 1992, стр. 1792): ”По учению церкви, крещение изглаживает в человеке Первородный грех, унаследованный от прародителей, освобождает человека от вины перед Богом. Несмотря на это, следствия Первородного греха, а именно: склонность ко злу, болезни, смерть – не могут быть уничтожены таинством крещения. Учением о Первородном грехе обосновывается необходимость Искупления”.

Эта концепция ярко проявляется, например, в ”Божественной комедии” Данте, где изображено, как праведники древности попадают в Ад (хотя и в ”первый круг”, самый легкий), потому что они жили до Иисуса и в связи с этим не могли ”очиститься крещением от первородного греха”.

праведности. В книге Бытия говорится о том, что у человека есть "склонность к греху от юности его" (Бытие 8:21), но есть также и силы противостоять ему. Бог говорит Каину: "У входа грех лежит, ты же имеешь возможность властвовать над ним" (Бытие 4:7). Человек сам отвечает за свои поступки, он сам делает свой моральный выбор – грешить или не грешить; и он может винить в своих грехах только себя самого, но никак не "наследие греха Адама" или "порабощенность дьяволу".

2. Грех Адама и сексуальная жизнь человека

Библейский рассказ о Сотворении мира не только рисует отдаленную историю человеческого рода, но также объясняет нам структуру мира и устройство человеческой души. Как мы видели, евреи и христиане по-разному понимают историю Сотворения мира, изложенную в книге Бытия. Из этой различной трактовки священного Текста вытекают многообразные следствия, касающиеся важнейших сторон человеческой жизни, в том числе различное отношение к сексу.

Еврейская и христианская традиции различаются прежде всего описанием последовательности событий в драме, разыгравшейся в Эденском саду. Согласно христианской трактовке, Адам "познал жену свою" (Бытие, 4:1) после того, как Адам и Ева нарушили Божественный запрет и сорвали плод с Древа Познания; а их дети – Каин и Авель – родились после изгнания, вне пределов Сада Эденского. Христиане при этом считают, что то "познание", о котором идет речь в стихе 4:1, – т.е. сексуальные отношения между Адамом и Евой, – является прямым следствием греха. Из этого христиане заключают, что сексуальные отношения между мужчиной и женщиной изначально таят в себе греховное начало. Поэтому принципиальной важностью обладает для христиан чудесное рождение Иисуса "от девы, не познавшей мужа"^{*}. Сам Иисус никогда не вступал в брак и с похвалой отзывался о тех, кто "сам сделал себя скопцом ради Царства Небесного" (см. Матфей 19:12). Павел (Первое Послание к Коринфянам 7:25-40) вообще отменил обязательность Божественной заповеди "плодитесь и размножайтесь" (Бытие 1:28), заявляя: "Если можешь не жениться – не

^{*} Даже само название этого догмата в христианстве – "догмат о непорочном зачатии" – подразумевает, что всякое другое (т.е. обычное) зачатие содержит в себе элемент "порока".

женись". С этим же связано христианское представление о том, что для достижения святости человеку следует отказаться от сексуальных отношений, выражающееся в безбрачии монахов и священников (в католицизме – всех, в православии – только "черного духовенства", которое единственное может занимать высшие посты церковной иерархии).

Совершенно иное отношение к сексуальной сфере человеческой жизни мы встречаем в иудаизме. Иудаизм рассматривает сексуальные отношения мужа с женой и рождение детей как величайшую заповедь, а отказ от сексуальных отношений и деторождения – как "форму убийства", и, таким образом, категорически отрицает монашество и безбрачие. Еврейская традиция иначе толкует текст рассказа о Сотворении мира и, соответственно, делает иные выводы о правильном Божественном пути человека. Согласно еврейской традиции понимания Текста Торы, дети Адама и Евы родились в Саду Эдемском еще до изгнания, причем Каин родился еще до того, как первые люди сорвали плод с Дерева Познания. Иначе говоря, грех Адама не связан с сексом, а "Дерево Познания Добра и Зла" не имеет прямого отношения к тому, что "Адам познал Еву".

3. Дополнение

СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ АДАМА И ЕВЫ В СВЕТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЕВРЕЙСКИХ КОММЕНТАРИЕВ

К сожалению, в рамках этой книги нет места для подробного анализа традиционных еврейских толкований первых глав Торы в соответствии с тем, как они дошли до нас в мидрашах, Талмуде и других источниках. И все же для тех читателей, которые хотели бы получить "информацию к размышлению", мы постараемся разъяснить некоторые ключевые моменты.

Библия описывает сотворение человека как бы в двух параллельных рассказах. Рассказ первый содержится в первой главе книги Бытия, там, где впервые заходит речь о сотворении человека. «И сотворил Бог человека в образе Его, в образе Божественном сотворил Он его; мужчиной и женщиной сотворил Он их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: "Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и овладевайте ею..."»

Как мы видим, "плодитесь и размножайтесь" – это самая первая заповедь, которую дает человеку Бог, еще до того, как

Он запрещает человеку срывать плод с Древа Познания. Эта заповедь не только "хронологически" первая, она является одним из "сопутствующих условий" к сотворению человека: рождая детей, человек как бы продолжает Божественный труд сотворения мира. Поэтому сказали об этом в Талмуде еврейские мудрецы: "тот, кто отказывается выполнить эту заповедь, – подобен убийце, проливающему кровь".

Один из важнейших композиционных принципов, на которых строится Текст Священного Писания, заключается в том, что Тора во многих случаях сначала намечает некую событийную канву, а затем, возвращаясь, прорисовывает ее более подробно и в новом аспекте. Это относится и к истории о сотворении человека. В первой главе мужчина и женщина появляются перед нами в числе прочих созданий – растений, рыб, пресмыкающихся, животных и птиц, населяющих только что сотворенный мир; поэтому ивритские слова 'захар' и 'нкева', которыми в этой главе обозначены мужчина и женщина, буквально означают 'самец' и 'самка'. В центре внимания – биологический пол, у этих существ нет имен. В первой главе закон о супружеских отношениях между мужчиной и женщиной дан на фоне законов, предписанных всем живым существам: все они должны плодиться и размножаться.

Второй рассказ о сотворении человека содержится во второй главе, где в центре внимания – человек как самостоятельная личность, у которой есть имя и голос. Здесь первые люди называются иначе: 'иш' и 'иша', буквально 'муж' и 'жена'. Вот как описаны в книге Бытия (стих 2:23) взаимоотношения Адама и Евы после того, как Бог сделал Еву "из ребра Адама" и привел ее к нему:

«И сказал человек: "На этот раз это кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться 'иша' ('жена'), ибо от 'иш' ('мужа') взята она". Поэтому пусть оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и станут они одной плотью».

Отношения мужа и жены во второй главе строятся уже не только в рамках биологического закона размножения, но как человеческая связь, что подчеркивается в словах: "и прилепится к жене своей". Стих "станут они одной плотью" еврейская традиция толкует как "создадут они одну плоть", имея в виду рождение ребенка, и относит его к зачатию и рождению Каина.

Последовательность событий, таким образом, следующая: Всевышний помещает человека в Сад, налагает на него запрет, касающийся Деревя Познания; затем Он дает человеку жену, после этого возникают супружеские отношения между Адамом и Евой (стих 2:23), и лишь затем совершается грехопадение – нарушение запрета и изгнание из Сада.

Но почему же тогда рассказ о рождении первого ребенка идет уже после рассказа об изгнании из Сада Эденского? Почему только после слов об изгнании из Сада в книге Бытия сказано (1:4): "И Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина..."? Ответ состоит в том, что здесь, как и во многих других случаях, понимание текста зависит от глубины знания языка. В ивритском тексте Библии глагол 'познал' ('йада') употреблен здесь в особой, достаточно редкой для книги Бытия грамматической форме "простого прошедшего времени", которое в библейском иврите имеет значение "событие, происшедшее ранее другого события, описанного выше" (в европейских языках этой форме приблизительно соответствует "давнопрошедшее", плюсквамперфект). Грамматически точный перевод этого стиха выглядел бы так: "И когда Адам [ранее] познал Еву, то она зачала и родила Каина". Здесь мы снова встречаемся с композиционным приемом, о котором упоминали выше: это ретроспекция, в которой есть новая информация – имя первого ребенка, Каина. Хронологическая схема библейского рассказа выглядит так: Всевышний создает мужчину и женщину, мужа и жену, затем они вступают в супружеские отношения ("прилепится к жене своей"), рождается ребенок ("станут плотью единой"), но имя ребенка пока не упомянуто в тексте. Когда же завершается (в основном) драма Адама и Евы, начинается новый рассказ – история их детей, развивающаяся уже после изгнания из Сада Эденского; тут и приходит время назвать их по именам: Каин и Авель.

Глава 9

ОБЛАДАЮТ ЛИ АНГЕЛЫ СВОБОДОЙ ВОЛИ?*

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ИСТОРИИ ИЛИ КАК ПОЛЕ БОРЬБЫ ВЫСШИХ СИЛ

Существует один теологический вопрос, на первый взгляд,

* Эта глава написана А. Барацем.

не столь важный, но при дальнейшем углублении оказывающийся очень существенным для понимания человеческой психологии. В этом вопросе иудаизм и христианство радикально расходятся, и в его свете весьма характерно вырисовываются их основные различия. Речь идет о свободе воли ангелов.

В любом христианском тексте, в котором упоминаются ангелы (или их "падший" вариант – демоны), они не только мыслятся как наделенные свободной волей, но в этом качестве даже как бы превосходящие человека. Представление это восходит к самым истокам христианства и не претерпело никаких изменений на протяжении всей его истории.

"Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола" – утверждается в "Новом Завете" (1-е Послание Иоанна, 3:8).

Вот что говорит о демонах православный духовидец Серафим Саровский: "Они гнусны, их сознательное противление благодати обратило их в ангелов тьмы, в невообразимые чудовища. Но, будучи по природе ангелами, они обладают необъятным могуществом. Малейший из них мог бы уничтожить землю, если бы Божественная благодать не делала бы бессильной их ненависть против Божия творения; но они пытаются погубить тварь изнутри, склоняя человеческую свободу ко злу".

На теологическом уровне эти представления оформлены следующим образом: "Зло имеет своим началом грех одного ангела, Люцифера. И эта позиция Люцифера обнажает перед нами корень всякого греха – гордость, которая есть бунт против Бога. Тот, кто первым был призван к обожанию по благодати, захотел быть богом сам по себе. Корень греха – это жажда самообожания, ненависть к благодати, ибо бытие его создано Богом; мятежный дух начинает ненавидеть бытие, им овладевает неистовая страсть к уничтожению, жажда какого-то невысказанного небытия. Но открытым для него остается только мир земной, и поэтому он силится разрушить в нем Божественный план, и, за невозможностью уничтожить творение, силится хотя бы исказить его (то есть разрушить человека изнутри, совратить его). Драма, начавшаяся на небесах, продолжается на земле, потому что ангелы, оставшиеся верными, неприступно закрыва-

* "Откровения преп. Серафима Саровского", Париж, 1932.

ют небеса перед ангелами падшими”^{*}, – и последним не остается ничего, кроме как пытаться завоевать человека.

В иудаизме мы имеем совершенно иную теологическую картину: именно падение человека, этого единственного из всех сотворенных существ носителя Божественного богоподобия, повлекло за собой падение всего остального мира (в частности, даже земли, ставшей, как говорится в Талмуде, вследствие этого производить паразитов). Иудаизм отнюдь не считает, что драма первоначально разыгрывается на небе с тем, чтобы впоследствии перекинуться на землю; напротив, она возникает именно на земле и с земли достигает небес.

Непослушание человека разрушило его собственную цельность, разрушило мир (который есть проекция человека) и даже, согласно Каббале, привело к повреждению высших Божественных миров, что выразилось в возникновении в них категории “гнева”. Именно отторжение гнева, отчуждение качества “трогого суда” привело к возникновению того, что именуется в Каббале “левой стороной” – демоническим миром.

“Сатан – он же и есть ангел смерти, и он же и есть дурное побуждение внутри человека”, – так говорится в Талмуде о том, кого христиане считают, по существу, основным действующим персонажем миротворения.

В иудаизме ангелы вообще и “сатан” в частности, в отличие от человека, мыслятся как существа не наделенные свободой воли. Это орудия, служебные духи, которые, проявляя расторопность внутри предписанной им миссии, заведомо лишены каких-либо собственных интересов. В частности, миссия Сатана – осуждать человека, т.е. провоцировать человека на поступки, противные его достоинству и назначению, и отмечать грехи. Сатан выступает на Божественном Суде как обвинитель человека перед Богом (т.е. как “небесный прокурор”, необходимая часть правильного судопроизводства), но отнюдь не как независимый судья, не как “противник Бога”, облеченный хоть какой-либо самостоятельной властью.

В христианстве существует однозначное представление о том, что ангелы сотворены по образу и подобию Божию. И поэтому «прежде всего достоин исследования следующий вопрос: почему Бог не назвал “сотворенными по образу и подобию

^{*} В. Н. Лосский, “Догматическое богословие”, М., 1991, стр. 252.

Своему” разумных, невещественных, небесных и близких к Нему ангелов? Ведь они в куда большей степени, чем человек, обладают началом самовластным и царствующим над всей землей и над самим человеком», – пишет преп. А.Синаит*. Ответ христиан (гласящий, что в образе человеческой семьи воспроизводится образ Троицы) в данном случае не столь важен для нас, как сам вопрос. Ведь вопрос этот свидетельствует о безусловной христианской убежденности в сотворении ангельских сил именно по образу и подобию Бога.

Иудаизм же исходит из того, что во всем мироздании только человек создан “по образу и подобию Бога”, только человек обладает свободой выбора, а ангелы – это подчиненные существа, созданные для выполнения определенной функции.

У этой проблемы есть не только теологический, но и психологический аспект. Различие между иудаизмом и христианством во взглядах на “свободу воли ангелов” есть, по сути, различие во взглядах на роль человека в космосе, различие во взглядах на ответственность человека.

Христиане часто говорят о своем “духовном совершенствовании”, о своей духовной свободе, упрекая иудеев в “рабской покорности” Закону, в их “недостойном взрослого человека хождении на помочах мелочных предписаний”.

Однако то, что мы только что увидели, говорит как раз об обратном. Позиция иудаизма, согласно которой именно человек и только человек сотворен по образу и подобию Бога, только он ответствен за царящее в мире зло, – представляется позицией существенно более “взрослой”, нежели христианская, приписывающая происхождение зла не самому человеку, а принципиально иному существу – ангелу, делающая человека “полем борьбы высших сил” и этим уменьшающая его личную ответственность.

“Возвышенное” изречение Достоевского: “Бог и дьявол воюют, а поле брани – сердце человека” в свете иудейских представлений звучит скорее как лакейское сетование: “Паны дерутся, а у холопов чубы трещат”.

Христиане любят повторять, что они в своем служении руководствуются “сыновними” мотивами, в то время как иудеи –

* Преп. Анастасий Синаит, “Об устройении человека по образу и подобию Божию”, Париж, 1990, стр. 304.

"рабскими". Но вера христиан в богоподобие ангельских сил, одно лишь их согласие с тем, что они сами – не первородные дети и что над человеком стоят собственно "Сыны Божии" (это библейское словосочетание всегда понимается христианами как относящееся к ангелам, а евреями – как относящееся к людям), сообщает этому сыновству довольно-таки двусмысленный оттенок.

По меньшей мере – это сыновство представляется не достигшим совершеннолетия. Ведь несовершеннолетнего сына отличает от совершеннолетнего не какая-либо ущербность в достоинстве, но ограниченность ответственности. (В нашем случае – перекладывание ответственности с человека на "падшего ангела".)

Согласно христианскому мировосприятию, за царящее в мире зло в основе своей отвечает не человек, а дьявол, который "первый согрешил". Или точнее, человек отвечает только за себя, но не за все мироздание. В системе же иудаизма среди Божьих творений не существует никого важнее человека. Талмуд утверждает, что "каждый человек должен говорить, что ради него создан мир", – то есть он сам отвечает за весь мир. Именно такое восприятие мира дает евреям возможность ощущать себя совершеннолетними "сынами Всевышнего" – сынами, которые принимают соучастие в творении.

(Более того, здесь вполне уместно отметить, что то значение, которое придается человеку, во всяком случае человеку в его восстановленном виде – в виде Израиля, – выражается в иудаизме в том, что отношения человека с Богом уподобляются не только сыновьим, но ни больше ни меньше супружеским! Представление об Израиле как о "супруге Всесвятого" присутствует в иудаизме со времен пророков; это особо подчеркнуто в книге пророка Хошеа (Осии) и впоследствии занимает в Каббале центральное место.)

Таким образом, уровень возложенной на человека ответственности в иудаизме и в христианстве представляется различным. Ответственность христианина – это ответственность несовершеннолетнего ребенка, ответственность иудея – это ответственность супруга. Первому можно и должно прощать многое, порой слишком многое; супруги же делят ответственность поровну... С точки зрения христианина, "драма, начавшаяся на небесах, продолжается на земле" (Лосский), так что хотя у

людей, разумеется, тоже начинают "трещать чубы", но не в их власти определить исход драмы, или, если угодно, "панской драки". С точки зрения еврея, именно "на земле решается судьба Бога" (Мартин Бубер).

Мидраш говорит о том, что ангелы кланялись человеку (Берешит Рабба 8, 9): «Когда Господь Пресвятой создал первого человека, ангелы служения ошиблись и пытались называть его [человека] Пресвятым. На что это похоже? На царя и его наместника, которые ехали в колеснице. Граждане желали приветствовать царя и кричали "Государь!", но не знали, кто из них царь». Таким образом, человек был настолько велик по сравнению с ангелами, что те ошиблись и приняли его за Бога!

Дополнение

ДИСПУТ НАХМАНИДА

Мы уже говорили выше о том, что в течение многих веков христианская церковь предпринимала постоянные попытки убедить евреев, что учение христианства является "законным наследником" библейского иудаизма; и поскольку евреи отвергали эти претензии, церковь устраивала "диспуты", на которых представители иудаизма должны были отвечать на доводы христиан. Поскольку христианские "доказательства" и еврейские ответы на них не изменились за последнее тысячелетие, текст этих диспутов интересен также и для нас.

Один из наиболее известных диспутов средневековья — "Диспут Нахманида". Он является собой типичный образец диспутов, которые в средние века велись по инициативе церкви с представителями иудаизма. Официально диспут происходил между выкрестом из евреев, доминиканским монахом "братом" Пабло Христиани и известным еврейским ученым, одним из руководителей евреев Испании, раввином Моше бен Нахманом (Рамбаном), известным в нееврейской литературе под именем Моисея Нахманида. Диспут состоялся в Барселоне в июле 1263 года в присутствии и при участии арагонского короля Якобо I, его двора, кардинала, епископов и членов францисканских и доминиканских орденов.

Мы помещаем ниже отрывки из книги, написанной самим Нахманидом по следам этого события^{*}.

* * *

Нахманид предпослал своему изложению хода диспута предисловие, в котором говорится:

«В трактате Сангедрин^{**} сказано: "Пять учеников было у Ешу [Иисуса]: Матай, Накай, Нецер, Бони и Тода. Матай был осужден на смерть. Привели Матая, и [его

^{*} Цитируется по изд.: Диспут Нахманида. Пер. Б.Хаскелевича. Иерусалим, 1976.

^{**} "Сангедрин" — трактат Талмуда, посвященный вопросам судопроизводства. Приводимый Нахманидом отрывок из Талмуда является образцом

сторонники] сказали: Неужели Матай будет убит? Ведь написано же: "Когда [ивр. 'матай'] приду и явлюсь пред лице Божие" (Псалмы, 42:3)? Им ответили: Да, Матай умрет, ибо написано: "Когда ['матай'] умрет и погибнет имя его..." (Псалмы, 41:6).

Таким же образом я пишу о том, что я отвечал этому неучу брату Пабло, показавшему глупость своих доводов публично, в присутствии короля, государя нашего, его мудрецов и советников, да возрастет величие его и да возвысится царство его.»

* * *

Велел мне король, государь наш, провести диспут с братом Пабло во дворце своем в присутствии короля и его советников в Барселоне.

Я ответил, сказав: "Я исполню повеление короля, государя моего, если вы разрешите мне говорить, как я хочу. Я прошу дозволения короля и его соратников и монахов, здесь присутствующих".

Ответили мне: "Если только ты не будешь поносить нашу веру".

Я сказал им: "Я не хочу вступить в дискуссию, если не

"диспутов", которые затевали ранние христиане с иудеями. Суть его в следующем. Матай, ученик Иисуса, за некое преступление осужден на смерть. Христиане доказывают, что его нельзя убить, и приводят цитату из Священного Писания, в которой есть слово 'матай' ('когда'). Они дают толкование этой цитате в том смысле, что человек по имени Матай не должен умереть. Это, конечно, просто игра слов, а не довод. Однако политическая обстановка (комментарий Раши к этому тексту Талмуда поясняет: «последователи Иисуса были близки к римским властям, и поэтому приходилось отвечать на их вздорные "доводы"... ») вынуждает иудеев отвечать им – на том же уровне, – и поэтому они приводят другую цитату из Псалмов со словом 'матай', из которой как бы "следует", что Матай должен погибнуть. Нахманид приводит это место из Талмуда как вступление к диспуту, указывая на то, в каком нелепом положении он оказался, будучи вынужден спорить с христианами. Отметим, что отрывок, цитируемый Нахманидом, на протяжении столетий тщательно изымался христианской цензурой из печатных изданий Талмуда, но сохранился в рукописных копиях и в текстах, изданных в нехристианских странах.

смогу говорить свободно, как и вы, обо всем, что касается диспута. Я умею говорить вежливо и аккуратно, но я буду говорить то, что я хочу". И все дали мне разрешение говорить, как я хочу. И сам король велел мне говорить, как я хочу.

Я сказал: "Немало было диспутов между христианскими священниками и иудеями о законах и обычаях, не связанных с основами веры. Я же хочу в этом почтенном дворце говорить лишь об основах, от которых зависит все, а не пустословить о вещах, не имеющих существенного значения".

И сказали они в ответ: "Ты хорошо сказал".

Итак, мы согласились, что будем сначала говорить о Мессии. Пришел ли он уже, как верят христиане, или должен прийти, как верят иудеи. Затем будем говорить о том, является ли Мессия самим Богом или же он полностью человек, родившийся от мужа и жены. А позднее будем говорить о том, кто придерживается истинного учения – мы или христиане...*

Мы стали обсуждать вопрос о Мессии и о грехе Адама. И я сказал, что, по моему мнению, в эпоху Мессии прекратится грех Адама.

Сказали на это наш государь, король, и брат Пабло: "И мы считаем, что грех Адама прекращается при Мессии, но только не в том смысле, в котором ты думаешь. Ибо раньше все отправлялись в ад в наказание за грех Адама, а во дни Мессии Иисуса он прекратился, ибо Иисус искупил своей смертью первородный грех и вывел людей из ада".

Я сказал в ответ: "У нас есть пословица: «Если ты решил солгать, то удали своих свидетелей!» Много всяких наказаний определено в книге Бытия Адаму и Еве за их грех: «Проклята земля для тебя ... терн и волчеч произрастит она тебе ... в поте лица твоего будешь есть хлеб... ибо прах ты и в прах возвратишься». Так же и о женщине: «В тяготах будешь рожать детей» (см. Бытие

* Этот последний вопрос уже не обсуждался, так как диспут был прерван по приказу короля.

3:16-19). И все эти наказания, видимые и ощутимые, существуют и сегодня, и ничего из них, как мы реально видим, не отменилось и не искупилось в дни вашего мессии. Зато про ад, о котором как о наказании ничего в книге Бытия не сказано, вы говорите, что он искуплен, — и вы говорите так потому, что никто не может вас опровергнуть! Пошлите туда кого-нибудь из вас*, пусть он пойдет туда, вернется и расскажет всем!

А кроме того, не может быть у Бога такого правосудия**, чтобы праведные попадали в ад за грех Адама, их праотца. Моя душа имеет такую же зависимость, в смысле вины за грех, от души моего отца, как и от души фараона, — а за грех фараона моя душа в ад не попадет! Наказания за грех Адама — во плоти, ибо плоть моя дана мне от отца и матери, и именно об этих наказаниях говорится в Торе. И коль было определено Адаму и Еве, чтобы они стали смертными за свой грех, то и потомки их за этот грех стали смертными по своей телесной природе***.

Встал брат Пабло и сказал: "Я приведу доказательство, что время Мессии уже прошло".

Я сказал царю: "Выслушай, государь мой! Наш Закон, Истина и Правосудие не зависят целиком от Мессии... Основной предмет разногласий между иудеями и христианами заключается не в Мессии, а в том, что христиане говорят ужасные вещи о Божественной Сущности. Ты сам, государь наш, — христианин, сын христианина и христианки, ты привык к этому и перестал это осознавать. Ты всю свою жизнь слушал священников и монахов, говорящих о рождестве Иисуса. Они до мозга костей наполнили тебя рассуждениями об этом, вплоть до

* Скрытая реминисценция из книги Бытия (42:16). Нахманид иронически предлагает своим оппонентам отправить кого-нибудь в ад, чтобы проверить, действительно ли Иисус искупил грехи всех смертных.

** Реминисценция из книги Иова (34:10): "Не может быть у Бога неправды или у Вседержителя правосудия".

*** Иными словами, когда в эпоху мессии будет воскрешение из мертвых и люди вновь станут бессмертными — только тогда можно сказать, что грех Адама искуплен. Таким образом, это искупление — согласно тому, что сказано в Торе о грехе Адама, — никак не могло быть совершено Иисусом.

того, что все это утвердилось у тебя в силу привычки. Однако то, во что вы верите — и это основа вашей веры! — не приемлет данный нам Богом разум: что Всевышний, Создатель небес и земли, превратился в плод в утробе некой женщины, пробыл там девять месяцев и родился младенцем, затем вырос, а впоследствии был предан в руки своих врагов, которые осудили его на смерть и умертвили; после чего, как вы утверждаете, он ожил и вознесся на небо. Все это противно природе вещей, этого не приемлет разум человека, котсрый действительно верит в то, что Всевышний есть Создатель и Владыка небес и земли; пророки никогда ничего подобного не говорили, да и нельзя оправдать такие вульгарные верования ссылками на “возможность чуда” (и если ты хочешь, то я могу подробно объяснить тебе отдельно, почему так). Этого не стерпит разум иудея и вообще никакого думающего человека! И тщетно вы приводите свои доказательства о Мессии — ведь не в Мессии вся суть нашего спора. Но мы поговорим дальше о Мессии, раз вы требуете этого...”

Сказал брат Пабло: “И ты поверишь, что Мессия уже пришел?”

Я сказал: “Я верю и знаю, что Мессия еще не пришел. Невозможно поверить в мессианство Иисуса, потому что он не исполнил слов пророков. Пророк говорит о Мессии, что он будет царем Израиля и что при этом «он будет властвовать от моря до моря и от реки до концов земли» (Псалмы 72:8). У Иисуса же не было вообще никакой власти, ибо при жизни он сам был гоним врагами и скрывался от них. Позднее же он был пойман и не мог спасти сам себя, — как же он избавит весь Израиль? Да и после его смерти не было у него какой-либо власти. Ведь владычество Рима — не от него, потому что Римская империя властвовала над большей частью мира до Иисуса, зато после принятия его веры она потеряла много государств. Да и сейчас у ваших религиозных врагов, мусульман, больше власти и стран в подчинении, чем у вас. К тому же пророк говорит, что во дни Мессии «Земля будет наполнена ведением Бога, как воды наполняют море» (Исайя 11:9). И еще: «не будут

больше учить друг друга, и не будет нужды в том, чтобы брат учил брата, и не будут говорить: «Познайте Бога, ибо все сами будут знать Меня» (Иеремия 31:34). – И ничего подобного нет сейчас!

И еще сказано: «И перекуют мечи свои на орала [плуги], и копыя свои на серпы; не поднимет народ меча на народ, и не будут более учиться воевать» (Исайя 2:4). Но от дней Иисуса и поныне столько войн, и весь мир полон насилия и грабежа, а сами христиане проливают крови больше других народов! Как же можно говорить, что Мессия пришел, – ведь мы ясно видим, что мессианские времена еще не настали.

И еще говорит пророк о качествах Мессии так: «И жезлом уст своих поразит он землю» (Исайя 11:4). А в книге Агады, которую держит и на которую ссылается брат Пабло, это объясняется более подробно: «Скажут мессии-властителю: “Такое-то государство взбунтовалось против тебя”, а он скажет: “Да погубит его нашествие саранчи” (т.е. Царь-Мессия поразит это государство “жезлом уст” своих). Скажут ему: “Такая-то область не подчиняется тебе”. А он скажет: “Нашествие диких зверей да истребит ее”». Ничего подобного не было у Иисуса. Вы же, рабы его, предпочитаете идти в наступление на врагов своих с мечом, а вовсе не с “жезлом уст”. У вас рать вооруженная, а иногда и этого вам недостаточно. И еще я приведу вам множество обоснований из слов пророков о том, что Мессия еще не пришел...”

Завопил тот человек, сказав: “Вот вечно он так со своими длинными речами! А у меня есть, что спрашивать!”

Сказал мне король “Умолкни, ведь он же истец, а ты ответчик”. И я замолчал и продолжал отвечать на его вопросы.

И сказал брат Пабло: “Вот Даниил (9:24) говорит: «Семьдесят седьмин (т.е. $70 \times 7 = 490$ лет) определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан

был Святой святых». “Семьдесят седьмин” — это годы: 420 лет существования Второго Храма и 70 лет Вавилонского пленения. Значит, слова “Святой святых” относятся к Иисусу, и о нем сбылось предсказание Даниила”.

Я сказал ему: “Но ведь даже согласно вашим расчетам Иисус был раньше этого времени, он родился раньше указанного Даниилом срока более чем на десять седьмин (т. е. на 70 лет, т. к. по христианской хронологии Храм был разрушен в 73 году от рождения Иисуса)”.

Он сказал: “Так. Но вот есть стих у Даниила, где сказано: «Итак, знай и разумей, с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до помазанника-князя — семь седьмин и шестьдесят две седмины». “Помазанник-князь” — это и есть Иисус”.

Я сказал ему: “Это тоже общеизвестная нелепость. Ведь Писание разделяет вышеупомянутые семьдесят седьмин и отсчитывает семь седьмин до помазанника-князя; затем шестьдесят две седмины до отстройки улиц и стен, а потом еще одну седмины, когда он утвердит завет для многих. В общей сложности получается семьдесят седьмин. Иисус же, которого ты называешь “помазанником-князем”, явился не к семидесяти седьминам, а после примерно шестидесяти седьмин, согласно твоему счету. Попробуй объяснить мне всю главу согласно твоему толкованию, и я тебе отвечу. Ведь ты даже не сможешь объяснить ее никоим образом... Но ты не стесняешься говорить о вещах, которых не знаешь. Я же поведаю тебе, что “помазанник-князь” — это Зерубавель (руководитель евреев эпохи возвращения из Вавилонского плена), и он пришел ко времени “семи седьмин”, как и сказано в Писании”.

Он сказал: “Как же он именуется “Мессией” (помазанником)?”

Я сказал: “И Кир, царь Персии, тоже назван “помазанником”. И об Аврааме, Ицхакке и Якове сказано: «Не прикасайтесь к помазанникам Моим...» (Исаия 45:1). Потому и сказано о нем (Зерубавеле) “князь”, что царство его не возвысится (до настоящего царства), но все же его будет славить и превозносить народ его. Я с готов-

ностью растолкую тебе всю главу эту, если только ты и товарищи твои захотите слушать и твой ум настроен понимать...”

* * *

Брат Пабло сказал: “Я приведу доказательство из Писания, что Мессия — это не человек, как думаете вы, а Бог, как думаем мы. Ведь о нем Псалом (110:1) говорит: «Сказал Господь господину моему: Сядь одесную* Меня...» Кому, кроме самого Бога, мог Давид говорить “господин мой”? И как может сидеть человек “одесную Бога”? Ясно, что Давид имеет в виду “господина своего” — Мессию, и что Мессия — это Бог.”

Сказал король: “Правильно он спрашивает! Если бы Мессия был самым обыкновенным человеком и из потомства Давида в буквальном смысле, Давид не говорил бы ему “господин мой”. Если бы у меня был сын или внук из потомства моего, который властвовал бы над всем миром, я бы не стал ему говорить “господин мой”. Я бы скорее хотел, чтобы он мне говорил “господин мой” и целовал мне руку”.

Я повернулся лицом к брату Пабло и сказал: “Ты что же — тот иудейский мудрец, который сделал это открытие и поэтому крестился, и теперь советует королю собрать всех иудейских мудрецов, чтобы вести с ними диспуты по твоим “находкам”? Да разве не слышали мы этого до сих пор? Ведь не найдется ни одного попа или ребенка, которые не задавали бы иудеям этого вопроса! Ведь это же очень старый вопрос...”

Сказал король: “Однако же ответь на него”.

Я сказал: “Так выслушайте меня. Давид был псалмопевцем, который сочинял Псалмы под Святым вдохновением. Он сочинял Псалмы для того, чтобы их пели пред Божьим алтарем в Храме. Сам он не пел их, ему это не было дозволено по Закону Торы — ибо только левиты могли принимать участие в храмовых песнопениях; Да-

* Одесную (старослав.) — со стороны десницы, по правую руку.

вид же был из колена Иуды, а не из колена Леви. Он передавал Псалмы левитам, чтобы они их пели. Так об этом прямо и говорится в Библии (Книга Летописей 1, 16:7). Поэтому Давид должен был сочинять Псалом в такой форме, чтобы левиты могли его читать. Если бы Давид написал: «Сказал Господь мне: Сядь одесную Бога», то левит не мог бы это провозгласить, так как это не о нем. Левиту следует говорить: «Сказал Господь господину моему (т.е. Давиду): Сядь одесную Бога».

Суть же слов “одесную Бога” в том, что Всевышний обещает Давиду — и также Мессии, его потомку, — защищать его Своею Десницею, содействовать ему во всем и помочь одолеть его врагов. Так оно и было, ибо сказано про Давида: «он поднял копье свое на восемьсот человек и поразил их в один раз» (2-я книга Самуила, 23:8). Есть ли, король, среди твоих ратников кто-то, кто мог бы своей силой свершить такое? А это и есть “Десница Божья”. У Давида так и написано: «Десница Твоя поддерживает меня» (Псалмы 18:36). Или: «Десница Господня творит силу», «Десница Господня высока» (Псалмы 118:15). А о нашем учителе Моисее, блаженной памяти, написано: «Который вел Моисея за правую руку величественною мышцею Своею...» (Исайя 63:12). И он же сказал при поражении фараона: «Десница Твоя, Боже, разит врага» (Исход 15:6).

А кроме того, в Писании вообще немало мест, где пророк говорит о себе в третьем лице и называет себя по имени, а не говорит “я” или “мне”. Так что все это — обычное выражение в Писании, а вовсе не доказательство того, что якобы Мессия — это Бог”.

* * *

Заявил брат Пабло: “Посмотри на книгу пророка Исайи (глава 63): «Вот, раб Мой будет безуспешен...» и т. д. Эта глава рассказывает о смерти Мессии, о том, как он попал в руки врагов своих, о том, как поместили они его со злодеями. Ведь ясно, что все это и сбылось с Иисусом. Веришь ли ты, что глава эта говорит о Мессии?”

Я сказал ему: "Согласно грядущему смыслу текста, глава эта не говорит ни о чем другом, кроме как о народе Израиля в целом, ибо так называют его пророки всегда: "Израиль, раб Мой", "Яков, раб Мой" (см. Исайя 41:5; 44:1)."

Сказал брат Пабло: "А я покажу, что, согласно вашим же мудрецам, эта глава говорит о Мессии".

Я ему сказал: "Верно, что эту главу мудрецы наши в книгах Агады (т.е. в аллегорических комментариях) толкуют как говорящую о Мессии^{*}, но они никогда не говорили, что он будет убит рукою своих врагов. Ты не найдешь никогда ни в одной из еврейских книг, ни в Талмуде, ни в Агаде, что Мессия, сын Давида, будет убит и предан врагам своим или что он будет похоронен среди злодеев. Ведь Мессия, которого вы создали себе, даже не был похоронен.

Если хотите, я объясню вам весь этот отрывок в четком и ясном толковании. А там вообще нет ничего об убийстве, как это произошло с вашим Мессией". Но они не хотели слушать...

* * *

Такова была суть наших слов. Я записал их текст полностью и не изменил в них ни слова. Позже, в тот же самый день, я предстал перед нашим государем, королем, и он сказал: "Пусть диспут будет приостановлен, ибо я не видел ни одного человека, который был бы неправ и при этом аргументировал бы все так хорошо, как это сделал ты".

Я слышал во дворце, что король и монахи-проповедники хотят прийти в синагогу в субботний день. И я

^{*} Большинство комментаторов полагают, что речь здесь идет о народе Израиля в целом. Согласно Агаде, речь идет о Мессии. Понять связь между этими двумя комментариями можно на основании принципа, изложенного у Раши в его комментарии к Торе (Числа, 21:21): "Моисей – это Израиль, и Израиль – это Моисей. Писание говорит тебе, что вождь поколения тождествен всему поколению...". Мессия олицетворяет собой весь израильский народ в мессианскую эпоху, и поэтому здесь возможны оба толкования.

остался в городе еще на восемь дней (чтобы иметь возможность возразить им). И когда они явились туда в следующую субботу, я ответил нашему государю по достоинству, ибо он очень настаивал в своей проповеди, обращенной к евреям, что Иисус — это Мессия.

Я поднялся и сказал: "Слова государя нашего в моих глазах благородны, превосходны и высокочтимы, ибо они исходят от столь благородного, превосходного и высокочтимого, которому нет равного во всем мире! Однако я не могу сказать, что они истинны. Ибо у меня есть убедительные доказательства, ясные, как солнце, что истина не такова, как он говорит. Однако спорить с ним не благопристойно. Я скажу только, что совсем не понимаю одного: ведь так же, как король убеждает нас поверить, что Иисус — это Мессия, Иисус сам убеждал наших предков, но они полностью опровергли его доводы. А ведь Иисус мог доказать свою правоту лучше короля, если он, по-вашему, был Богом. И если предки наши, которые видели и знали его, не согласились с Иисусом, то как же мы можем послушаться короля, который знает о нем лишь понаслышке от людей, не знавших его и не бывших даже в его стране, — в отличие от наших отцов, знавших и засвидетельствовавших о нем?"...

... И встал король, государь наш, и встали все и разошлись.

На следующий день я предстал перед государем нашим, и он сказал мне: "Возвращайся в город свой с миром". И дал мне триста золотых динариев на дорожные расходы, и я расстался с ним...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЕВРЕЕВ С ХРИСТИАНАМИ

Значительные расхождения в религиозных воззрениях между иудаизмом и христианством не должны быть помехой для развития доброжелательных отношений между христианами и евреями. Более того, на наш взгляд, христиане и евреи могут и должны сотрудничать между собой: совместными усилиями мы можем сделать мир, в котором мы живем, более добрым, терпимым и близким Богу, – хотя мы понимаем Его и молимся Ему по-разному. Но и разница между нами очень важна. Есть люди, которым кажется, что для установления взаимопонимания и гармоничных отношений между христианами и евреями иудаизм и христианство непременно должны “слиться в одну религию”. Нам же представляется, что стремление свести “к одному знаменателю” все идеологии, теологии, религиозные воззрения – это проявление тоталитарной аномалии мышления. Мы не призываем христиан обратиться в нашу веру: как мы старались показать в этой книге, сама идея миссионерства совершенно чужда нашему народу. Но мы также не можем согласиться с попытками христиан увести сынов еврейского народа от их возвышенного пути – пути избранности и ответственности перед Всевышним. Этот путь начался тысячи лет назад, когда Всевышний открылся нашему праотцу Авраму; продолжая этот путь, несколько столетий спустя наши предки приняли синайское Откровение. Мы самый древний народ из всех, живущих ныне на земле; мы помним в деталях и продолжаем быть верны нашей истории, теологии, Закону почти четырехтысячелетней давности. Сам факт, что мы все еще существуем, исполнен глубочайшего смысла: он свидетельствует, что Всевышний продолжает поддерживать нас, что великий Завет, который Он заключил когда-то с нашим народом, не отменен и остается в силе. Для того-то мы, евреи, и продолжаем жить на свете, несмотря на тысячелетия войн, погромов, преследований и ненависти, обрушивавшихся на наш народ, чтобы быть служить знаком Завета и хранить Откровение. И мы, потомки Авраама, Ицхака и Яакова, должны быть достойны выбранного ими пути.